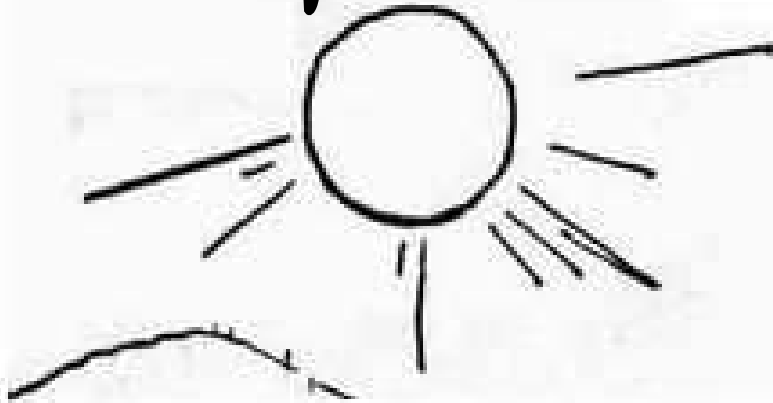

ОЛНЦЕ'
УЛЫБАЕТС'Я
ДОБРЫМ

ЮРИЙ ЧЕРНЯК

Солнце улыбается добрым

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
В ПИСЬМАХ

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1964

ТЕЛЕЦКОЕ
ОЗЕРО

Письмо

восьмое

...Мне уже казалось, что я никогда не доеду до Телецкого озера, что нет конца этим глубоким извилистым ухабам, вытягивающим из нутра всю душу. Но вот увидел еще до конца не разгаданную сказку Горного Алтая и решил: стои-

ло проехать даже сотню таких дорог, только бы добраться до всего этого великолепия. Куда там озеру Рица тягаться с Телецким! Вокруг первого — сплошной сыр-бор, заманивают туда всю скучающую курортную братию. Дорожка в горы — блеск, и автобусы комфортабельные, пожалуйста. Я сам только приехал в Сочи, на «крючок» попался. Теперь и вспоминать не хочется, хоть там и ресторан шикарный, и шашлыки превкусные, и катают по озеру на быстроходных глиссерах. А здесь я второй день почти голодный, и еще неизвестно, пойдет или нет в свой последний нынче рейс пассажирский теплоход «Алмаз», единственный на озере.

Пришел я в «Артыбаш» — знаменитую на Горном Алтае и далеко в сибирских городах туристскую базу.

Начальник базы оказался нахалом. Сказал, что туристский сезон закончился день назад, поэтому предоставить ночлег он не имеет права.

— Возвращайтесь в поселок и спешите занять место в гостинице!

Обиднее всего, что пустует обширнейший двухэтажный дом, а он:

— И белье собрано, и выходной у нас сегодня. А поговорить и завтра успеется...

Ты можешь возразить, конечно, что добрые чувства здесь можно расценивать по-разному. Но в тот момент мне стало вдруг нестерпимо грустно.

Был со мной однажды такой случай в Целинном крае. Выехали днем из Петропавловска на грузовике в совхоз километров за 250—300. Мы с товарищем сидели на скамеечке в кузове. А шофер в кабинке один, парень только из армии демобилизовался. Довольный такой, насвистывал всю дорогу: «Мы вели машины, объезжая мины...» Свернули с шоссе в степь и тащились под Солнцем уже часа три, как вдруг в какие-то минуты небо словно опрокинулось на худой бок. Погасли лучи, и тут же закапало, заморосило, полило. Шофер приостановил машину и крикнул, чтобы один из нас забирался в кабинку, любой. Попросились мы оба. Знали, что там место полагается для одного пассажира, но попросились. Ведь все равно никто не задержит. Какая тут милиция! Но парень и слышать ничего не хотел: «Ну и мокните там оба, раз так. Как же я могу нарушить, если сам — общественный автоинспектор?»

У меня был с собой плащ, а товарищ только в легком костюме, и я вытолкал его из кузова. Промок наверху, как сукин сын. Плащ будто растворился. За шиворот стекали острые надоедливые ручейки. А шофер все гнал и гнал свой драндулет по серой голой степи. Очень правильный человек! Мой приятель предлагал сменить меня там, на дождичке. Да ведь это не выход из положения. Совсем стемнело. И когда до места оставалось километров сорок, шо-

фер затормозил и позвал в кабинку. Было для парня громадным испытанием отступить от буквы закона во имя добра к человеку. И знаешь, даже молча, про себя, я не очень поносил нашего шофера — он на службе, — но подумал, что не хотел бы быть похожим на него.

Начальник базы сухо попрощался.

— Вообще, — протянул он, — много вас тут наезжает. Вот базу нашу каждый хватит, а ведь матрацев-то не хватает...

По-моему, для некоторых начальников, чтобы не очень зарывались, хорошо бы отлить из металла памятки-таблички: «Не забывайте про человечность!» или «Совесть украшает человека». Словом, как в моральном кодексе.

Начальник базы немало удивился, когда я спросил, где здесь можно найти Заякиных. Петр Илларионович Заякин значится на базе прорабом, и его назвал мне Казанцев на всякий случай, если что. Когда-то они вместе учительствовали.

Это «если что» и произошло, стоило мне добраться до «Артыбаша». Я пошел к Заякиным. Они были дома и безумно мне обрадовались, будто вернулся из дальних странствий их блудный, но самый любимый сын, которого уже и не мечтали дождаться.

Кстати, Артыбаш в переводе с алтайского — голова порога. Поселок располагается на месте, где озеро до предела сужено ко-

сой. Здесь из него вытекает неумолимая бурлящая Бия, переливающаяся серебряными барашками, которые образуются от соприкосновения воды с множеством мелких порогов. Обтекая их, Бия уносит с собой в горы и долины неповторимые тона и краски Золотого озера. Так оно называется по-алтайски — Алтын-Коль (золотое). А легенда рассказывает так.

...В давние времена жил на озере бедный охотник — алтаец Чаруш. И случился однажды страшный голод. Была засуха, и все скудные посевы пшеницы и ячменя посохли. Крохотные поля Чаруша. Он кормил семью только дичью, орехами и ягодами. Раз в году маралов или ланов, чьи рога так вкусны и ароматны. Чаруш пошел на громадную гору Гыбой нависшую над озером. У самой вершины увидел он золотой слиток, как бы в виде головы. Обрадовался Чаруш и, забыв про охоту, отправился с этой золотиной вниз. Хотел обменять ее на хлеб богатых заманганов, но никто не дал ему ни чашки талкана (муки из ячменных зерен). Золото тогда ни во что не ценилось. Так и вернулся Чаруш домой с одной своей золотиной в руках. Жена стала упрекать мужа, сказала, что попутал его шаман: заставил взять кусок золота и забыть об охоте.

— Иди, — сказала жена, — и унеси обратно этот зловещий камень. Он принес нам голод.

Обессиленный и истощенный, Чаруш взвалил на плечи золотину и стал взбираться на вершину горы. Поднялся туда, где нашел золотину, размахнулся и со всей силы бросил ее в озеро. С тех пор и называется оно Алтын-Коль, Золотое, а гора — Алтын-Ту, Золотая гора.

От себя я мог бы добавить к легенде, что в этих краях встречаются и люди с золотыми россыпями душ. Покорило меня семейство Казанцевых, и вот теперь — Заякины. О них отдельно, в следующем письме.

Письмо девятое

...Петр Илларионович Заякин — человек особого склада. Каждая частица его тела и души закалилась в многочисленных сражениях на грани жизни и смерти. Здешний уроженец, он шестнадцать лет уходит в партизанский отряд, воевавший на Горном Алтае в годы гражданской войны. Тогда добивали они белые банды, остатки царской армии, которая отступала из Томска через Бийск в Монголию. Артыбаш, такой мирный и спокойный, раздирали по кусочкам. Несколько раз переходил он из рук в ру-

ки... Петра Илларионовича бросают на врангелевский фронт. Военная школа красных командиров. Командование дивизионом на Дальнем Востоке. Еще позже — начальник погранзаставы. В Отечественную войну снова едет на фронт с первым эшелоном. Командир эскадрона конной разведки бригады. Командир танковой роты. Недалеко от Мелитополя разрывная пуля свалила Петра Илларионовича, и его списали из армии.

На «гражданке» работал он в районном отделе народного образования в Турочаке, вел уроки в школе, как я и писал тебе, вместе с Казанцевым. Вступил в комсомол и два года спустя в партию, еще при жизни Ленина. Какое-то время после гражданской войны был секретарем райкома комсомола...

Он каждую минуту знал и знает, за что стоит и где необходим сегодня, именно — необходим.

Мне кажется, есть такие и немало, кто живет бездумно: только бы день прошел спокойненько и сыто, а там хоть трава не расти, лучше в скорлупке отсидеться, в ней безопаснее. Но ведь посуды: радость приходит только от ощущения своей полноценности и необходимости для кого-то. Иногда необходимости даже для одного-единственного человека.

Сейчас Петр Илларионович — прораб. Ваза расстраивается, и он тут самый глав-

ный. Чувствует, как всегда, что без него не обойдутся. Приземистый, плотный, седина топорщится ежиком. В первые минуты он кажется несколько медлительным и излишне спокойным, с задумчивым взглядом пепельно-рыжих, словно выгоревших на Солнце глаз. Но преображается мгновенно и становится очень подвижным, когда начинает рассказывать о чем-то. Заякин — открытое людям сердце.

Весь вечер Петр Илларионович занимал меня разговорами.

Задел его тридцать седьмой год.

— Был у нас здесь некто Белозеров, — вспоминал он. — Жил незаметно, и вдруг узнаем: произвели его в инструкторы райкома партии. Отец мой, старый член партии, политкаторжанин, служил когда-то возчиком у его отца, содержателя домов терпимости. Вот этому Белозерову и хотелось меня убрать при случае. Понимаете? Ничего только у него не вышло с этой затеей, хотя многих видели мы в те дни последний раз... Свои не дали в обиду, товарищи!

Заякины часто переезжали с места на место, а последнее время долго жили в Алма-Ате. Но их постоянно тянуло снова к Телецкому озеру, где пробежали юные годы, где душу наполнила обворожительно-трогательная музыка неповторимой природы Горного Алтая, его нежные, задумчивые легенды.

Впрочем, я уже на себе стал тонко ощущать и чувствовать это.

В Артыбаш вернулись Заякины прошлым летом, и навсегда. Петр Илларионович ждет не дождется, чтобы жена его, Мария Михайловна, и многочисленное потомство поскорее привыкли на Телецком.

Заякины живут скромно. А тут еще зарплату задержали на целую неделю из-за бухгалтера, который уехал в райцентр и запропастился там. А занимать в этом доме не принято, лучше подтянуть животы. Работник Петр Илларионович по существу один на семью. Мария Михайловна была летом регистратором на турбазе, но это работа сезонная. Старший, Юрий, только недавно устроился электриком на местную электростанцию; Вале шестнадцать лет, она еще не кончила десятилетку. Остальные — пятый класс и до второго, еще три сына и дочка. Валюша — пресимпатичная девчонка, русая, подстриженная коротко, что делает ее лицо задорным. Чуть приоткрывшийся бутон, невинные белые лепестки которого уже выглянули на свет божий и осторожно, с опаской потянулись к небу и Солнцу. И душа ее стремится довериться чему-то, пока неизведанному и таинственному. Три раза сменила сегодня платье и три раза краснела, показываясь в новом. Прятала глаза и быстро убегала куда-то. Чудачка! Думает, я не замечаю. А мне хорошо и весело смотреть

на нее. Валя все заботится, чтобы мне было хорошо у них. Старательно наводит чистоту в комнате и отчаянно переживает, что с едой небогато, приходится кое-как выкручиваться.

Второй день в нашем меню суп-скороспелка: картошка, лучок и жирку пара ложек. Причем варится это на костре. Кухня законсервирована, как и все, что относится к турбазе: почта, продовольственный ларек. А своя печь пока не налажена. Да еще уплетаем за обе щеки жареную картошку. Уж Валюша так старается ее жарить, так старается — каждый кружочек отдельно переворачивает в огромной чугунной сковороде. И от обхождения такого картошка тает на языке. Валя бросает в чайник пучок мятной травы, и опять у нее сплошные переживания: понравится ли мне? Кажется, я никогда в жизни не пил такого ароматного напитка. А может быть, само отношение ко мне в этом доме и Валюшины стремления, безотчетные и подсознательные — непременно понравиться гостю, — все это заставило забыть на время о хлебе насущном. Верно все-таки говорится: не хлебом единым жив человек.

Сегодня днем я принес яблоко и две большие спелые помидорины, выложил на стол (случайно меня тут угостили). Ребята приходили из школы и делали вид, что не замечают лакомство. Только второклассник Витька (потешный такой малый, ут-

ром делал упражнения по русскому языку и написал «мальчик», разделив слово пополам) спросил:

— А что это за яблочко?

Никто не хнычет. Мария Михайловна — чудесный человек, все шутит, смеется, настраивая всех на какое-то безудержное веселье. Правильно, что смех убавляет прожитые годы. Она выглядит моложе своих лет. Очень складная фигура, высокая грудь, уверенные движения небольших сильных рук (сколько пеленок ими перестирано — миллион!), мягкие, спокойные черты лица, ни морщинки на нем, и глаза — ну в каждом сидит по хитрому чертику! Вот сейчас затеяла возню с малышами, насмеялись до коликов в животе. И Мария Михайловна с Петром Илларионовичем отправились в кино смотреть «Воскресение» — поехали на лодке в клуб на другую сторону озера. Я остался с ребятами, и мы пошли печь на углях картошку. Валя спрашивает: «Когда вы от нас уедете?» И чувствую: ей так не хочется, чтобы я уезжал. Вот бы дождаться зарплаты и устроить в честь гостя праздничный обед! А тут еще как нарочно вставился десятилетний Толя:

— Сейчас бы пельменев с уксусом...

Вчера ночью часа в два в комнату Заякиных ввалился пьяный мужик. Дверь здесь не принято запирасть на ключ (хорошо-то как, а?), и он, облокотившись на нее,

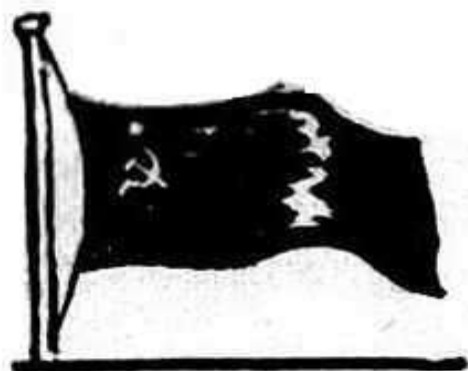
с треском распахнул, запнувшись при этом за порог. Оказалось проще простого: под вечер напился в стельку и заснул в турбазовских кустах. Когда спустился туман, очнулся от холода. Дом на другой стороне озера — не добратся. Вот и сунулся в первую попавшуюся дверь. А в комнате и так все впритирку спали. На кроватях по двое, кроме меня, — гость в доме! Валя настояла, чтобы я занял ее постель, сама легла на пол. Володя устроился в спальном мешке. Он всегда в нем спит, больше негде. Толе и Вите, открывшим глаза от шума в доме и что-то мяукающим спросонья, тоже пришлось постелить на полу, а трезвеющего ночного бродягу уложили на кровать мальчишек. Не выругали, не выгнали, а уступили кровать...

Да, совсем забыл. Мы на прошлую ночь ставили с Петром Илларионовичем сеть посередине озера, зацепив ее за буюк. Ехали на лодке обратно и приговаривали: ловись рыбка большая и маленькая...

Сегодня рано утром отправились за уловом, и я уже ощущал запах свежей ухи. Он так и расползался над озером. Но, на удивление, ни одной рыбешки.

Ты сейчас, конечно, можешь дать мне сто очков вперед: пойди, скажем, в ресторан «Центральный» и закажи такую уху, что пальчики оближешь. Но, поверь, я все же считаю себя счастливее здесь, при том, что есть у меня и что меня окружает,

чем в самые сытые и самые вкусные дни дома, когда все доступно и все возможно.

Письмо десятое

...С капитаном «Алмаза» я познакомился в первый же день моего приезда на Телецкое озеро. Он одновременно расстроил меня и обнадежил. Сказал, что вообще-то предполагается еще один рейс по озеру, последний в эту навигацию, но пойдут в плавание вряд ли: и масло машинное на исходе, и пассажиров нет, турбаза опустела. Но мне опять повезло. Бийск разрешил «Алмазу» последний рейс, и уже седьмой час плывём по Телецкому озеру. Над сопками виднеется лишь краешек Солнца, на глазах укатившегося за пунцовый зубчатый горизонт. Сиреневая дымка, растекаясь конусом между разноцветных гор, опустилась на густую, непроницаемую тайгу. Гольцы сопкок тоже в сиреневом сиянии и сами излучают какой-то свой необыкновенный свет, оранжевый, с яркими голубыми отблесками. А вода в озере темно-лиловая и кажется очень тя-

желой, нос «Алмаза» раздвигает ее, как ртуть, медленно и с упором.

Летчики, с которыми летал я на таежные пожары, рассказывали, что с неба Телецкое озеро кажется огромнейшей бездонной пропастью. Оно лежит в узкой долине, изломанной линией протянулось почти на восемьдесят километров, а глубина его местами достигает трехсот метров.

Экипаж теплохода — в основном молодые ребята — решил называться коммунистическим. Есть в команде и старые «морские волки». Почему-то так получилось, что речь все время вертелась вокруг характеров людей и какими они должны быть в новом обществе. Говорили о себе, о каждом из экипажа. Даже удивительно, как тонко они подмечают то, что постепенно рождается в их умах и душах, такое, чего не было вчера. Будущее у них как на ладошке. И все, словно заранее сговорившись, отстаивали одно — непримиримость. К подлости — особенно!

Пригласили меня в кубрик обедать. Слово за слово Георгий Федорович начал рассказывать необычную историю появления «Алмаза» на Телецком озере.

В Архангельске был сформирован караван судов для рек Сибири. На Обь пошли «Алмаз» и четыре «Ракеты». В Новосибирске прошлой осенью — в начале сентября — теплоход приняла его хозяин Георгий Федорович и судовой механик Юрий Бы-

ковский, потомственный речник, дед и отец которого — известные на Оби бакенщики. Вместе с ними мальчишкой он каждый вечер зажигал на воде порхающие огоньки. Когда был совсем маленьким, привязывали его к лодке, чтобы не вывалился. А подтянулся — сам надел тельняшку, кончил речной техникум в Красноярске...

Решили провести «Алмаз» до льда поближе к озеру и, если удастся, зазимовать в Бийске. Крещение встретили в Обском море: шторм восемь баллов. Был невозможный туман, и окно в рубку оставалось открытым. Мокрый до ниточки капитан простоял у штурвала двенадцать часов.

— До Барнаула добрались поздно ночью, — не торопясь говорил Георгий Федорович, старательно и любовно дуя на кипяток в кружке. — Боялись, оставят нас там на зимовку. И часов в пять утра, пока начальство местное не проснулось, пошли дальше.

В Усть-Пристани диспетчер предупредил их, что до Бийска не дойти: обмелела Бия. Решили: была не была. На перекатах глубина до девяноста сантиметров доходила, а осадка судна на тихом ходу метр тридцать — метр сорок. Тут уж выложились они до последнего. Маневрируя, используя весь запас ходовых качеств и инерцию, на «брюхе» выскакивали на перекаты, а когда набегала придонная волна, «Алмаз» соскальзывал нехотя, еле-еле. Так преодолели

бийские и другие перекаты, их тут масса. Часа полтора сидели на каждом. Представляешь, как могли разгуляться нервы. Пользовались еще способом «змеи»: судно ползет по грунту, неуклюже переваливаясь с боку на бок и делая борозду. Или задним ходом выбирались. И все-таки дотянули. На прикол встали в Бийском порту.

Перезимовали и двадцать второго апреля получили план-приказ выйти в рейс. И опять начались злоключения. У села Озеро Куреево вода резко упала. Водометный буксир помогал «Алмазу» держать нос выше. Со скрипом пролезали через пороги. В Турочаке пришлось им взять на борт лоцмана. Василий Иванович Попов когда-то «плавил» в этих местах плоты и знал каждый предательский порожек, каждую хитрую извилинку. Начинался самый опасный участок пути. Перед Кузенским порогом сделали остановку. Сбежались все местные посмотреть на диковинку. Никогда не видели, чтобы за этот порог проходили похожие суда. Старики-алтайцы спорили на свои бороды, смешные такие, со-сультками, убеждая и не пытаться перескочить «чертовы камни».

— Зря, только корабль расшибешь, начальник, — грустно покачивали они мудрыми головами.

«Алмазовская тройка», заключив пари с толпой неверов, решила пробиться, чего бы это ни стоило. Сорвали пломбу, сняли

ограничитель с двигателя — теперь он мог делать до 1500 оборотов. Приготовились, сделали разгон, как спортсмен перед решительным прыжком на последней попытке, и в ту секунду, когда нос только коснулся гребня порога, дали сверхмощные обороты двигателя.

— И в ритм с ним забилося мое сердце, — продолжал капитан, сам увлекшись собственным рассказом и, казалось, забыв при этом обо всем на свете. К нам придвинулись немногочисленные пассажиры, и все пораскрывали рты, прислушиваясь.

— Теплоход резко рвануло в сторону и отбросило к противоположному берегу. Тогда я добавил еще сто оборотов и вывернулся в какие-то мгновения. Народ бежал по берегу за теплоходом километра три...

Через Пыжинский порог их тянул трактор. Но трос не выдержал — и «Алмаз» понесло на скалу. Спасло чудо. Удалось как-то повернуть носом в заводь. Врезались в старую березу, расщепив ее, но «Алмаз» спасли.

— Давно я на горных реках плаваю, а такого испытывать не приходилось. — Георгий Федорович пригладил волосы. — В те дни посеребрились...

Средних лет, глаза смотрят остро — капитан! — и немного задумчиво, искорки седины на висках.

Я попросил капитана показать мне судовой журнал и, перелистывая его, вдруг на-

ткнулся на приказ, вложенный между страниц. Его издал начальник пароходства: «За самоотверженный, доблестный труд во время проведения теплохода «Алмаз» до Телецкого озера объявить благодарность и премировать личный состав судна...»

Я долго стоял на корме, провожая Солнце, убегающее за сиреневые горы. И горы эти были уже не сиреневые, а дымчато-серые, и на озеро легли ровные серебряные блики. Вдруг появилось такое ощущение, что палуба вот-вот уйдет куда-то вперед, а ты останешься стоять на плотной, сверкающей, как лед, поверхности. Будто несбыточный сон видишь наяву.

Мне кажется, самая мрачная душа на свете не удержалась бы: стала здесь лиричнее, мягче и добрее.

Сейчас мы подъезжаем к Яйлю. Это хозяйство Рослика. Он — директор Телецкого лесхоза. К нему советовал заехать Фридрих Таушканов — секретарь Горно-Алтайского обкома комсомола. Случайно я встретил Рослика вчера в Артыбаше, как раз он на ходу сунул мне в руку яблоко и две помидорины. Рослик поехал в Турочак: вызвали в райком партии. Обещал побыстрее вернуться, чтобы предоставить себя в мое «полное личное распоряжение». Так и сказал и еще пообещал взять на охоту в тайгу.

Из колокола над моей головой громогласно полились на оба берега «Дунайские волны». Говорят, традиция, и очень привыкли уже. Уходит «Алмаз» в рейс — радист матрос Анатолий Попов ставит на проигрыватель «Полонез Огинского» — любимую мелодию капитана. Причаливает «Алмаз» — звучат «Дунайские волны». Это по желанию всей команды. И все, страшно довольные, посматривают на пассажиров — какое производит впечатление? Мне улыбаться хочется.

Письмо одиннадцатое

...В Яйлю мы сошли на берег вдвоем. Таня Новикова подсела к нам в Чири, в конце озера. Она возвращалась из тайги с очередных исследований в свой научный центр — Яйлю. До недавнего времени здесь был заповедник, а теперь — Телецкий стационар Сибирского отделения Академии наук СССР. Таня — научный сотрудник: зоолог-энтомолог. В рюкзаке она везла множество всякой свежей зоологической всячины. Без ума от озера и тайги. Когда училась на биофаке в МГУ, присылали ее сюда практиковаться, а при рас-

пределении сама попросила назначение на Телецкое, в эту таежную глухомань.

Яйлю — крохотный поселочек, дома маленькие, на одну семью. И дороги в мир, кроме озера, нет никакой — тайга и тайга, переливающаяся громадными взлохмаченными волнами с сопки на сопку. Зимой те, кому надо в Артыбаш (до него километров тридцать), надевают коньки и бегут по гигантскому зеркалу, подгоняемые ветром. Некоторые прицепляют к куртке небольшой удобный парус и мчатся чуть ли не со скоростью пассажирского поезда. А в недалеком будущем, может, появится на озере чудо-аппарат. Главным механиком у Рослика работает молодой инженер Анатолий Лубягин. Я его видел мельком в Артыбаше вместе с Росликом, и он сразу мне понравился. Уехал в Барнаул, не вернется дней десять. Жаль, не познакомились ближе. Так этот Лубягин изобретает такую штуку, которая бы в любое время года гоняла по озеру — одинаково по воде или по льду, что-то наподобие гидросаней. И уже чертежи готовы.

— А энтузиастов мастерить у нас хоть отбавляй, — сказала его жена Валентина, главный лесничий, первый помощник Рослика. Мы разговаривали с ней в конторе лесхоза. Она сидела за широким, длинным, напоминающим бильярдную доску столом, из-за которого едва ее было видно — пигалица. А встала, прошлась мимо —

очень привлекательна и мила. С ней и зашел у меня разговор об Анатолии и его секретах.

— Черта с рогами сделают, — подмигнула она весело, — и под свою дудку плясать заставят! Вы еще их узнаете, если поживете здесь.

Анатолий уговаривал меня дожидаться его приезда из командировки и, когда я сказал, что пробуду на озере не больше недели, протянул разочарованно:

— Ну, за неделю тайгу не почувствуешь. А люди какие...

И стал называть людей, с которыми хорошо бы мне встретиться.

Все необходимое из вещей и продуктов завозят сюда на зиму с осени и живут месяца три как на необитаемом острове. Подалее есть еще одно такое местечко — кордон Беле, тоже вотчина Рослика, как бы филиал лесхоза. Там живет часть лесников, в основном — алтайцы. Ну, и две-три семьи разбросаны по берегу совсем одиноко. Одна из них — Смирновы. Знаменитая. Мы заезжали к Смирновым вчера на «Алмазе». В какой уж раз глава семейства Николай Павлович рассказывал историю своей жизни...

Еще до того, как идти в армию, стал вдруг Николай угасать. И глаза потухли, и безразличный ко всему сделался. Но в армию все же взяли — великолепного был сложения и ручищи-версты. Держался год-

два, а потом начал валяться по больницам. И так, неизвестно от чего, будто тело покидала душа, таял. Один старичок-доктор ему посоветовал: «Забирайся-ка на природу, в лесную сторону куда-нибудь, поживи в покое. И чтобы руки при деле, силой питали...» И назвал он Телецкое озеро — места дикие, таежные.

Родом Николай Павлович из Москвы, в армии в Томске служил. Из Томска прямо двинулся к Бийску и на озеро. С одной котомкой. Давно это было — в 1926 году, но зиму ту первую, одинокую, в шалаше, обмазанном глиной, и при костре, не затухающем ни днем, ни ночью, хорошо помнит. И подробно о ней рассказывает: как удивились странному пришельцу алтайцы из деревни неподалеку от озера, и как сторонились сначала, а потом отдали за него самую красивую девушку в селении — Дору, помогли дом поставить на берегу Кыгинского залива, подарили ружье, а уж лодку сам он вытесал и лыжи охотничьи — тоже. А когда Западно-Сибирское отделение гидрометслужбы открыло в верховьях Телецкого озера свой постоянный пост, Николаю Павловичу предложили быть наблюдателем водомерного поста.

Особая история, как развел он фруктовый сад на камнях, землю в лодке возил из Чулышманской долины, как стал этот сад красую всего Телецкого озера и у Николая Павловича появились друзья — уче-

ные, помогавшие ему советами, присылавшие посылки с семенами, и как сам Николай Павлович вывел какой-то особый сорт сибирских яблок, описанный в специальном научном журнале. Но самое большое богатство — его наследники. Не поверишь — семнадцать детей, и шестнадцать из них живы. Представляю тебя папой такого семейства. Смех! Я видел только малышей — Люду и Веру. Четверо учатся в интернатах и национальных школах. Остальные живут и работают в основном рядом — на озере и вокруг него. Все с дипломами, какие хотели получить. Часто приезжают в гости на Чири. Сейчас семья с внуками — тридцать восемь человек!!! А предки выглядят браво, прямо-таки под стать всей той могучей первозданной природе, которая приняла в свою обновляющую купель Николая Павловича и с которой породнилась его душа, вечно молодая, не знающая тоски и покоя.

— Узнал бы, где доктора того похоронили, памятник ему поставил бы! — решительно и убежденно сказал Николай Павлович.

Смирнову-старшему исполнилось в августе шестьдесят лет. Доре Захаровне нет и пятидесяти.

Как-то Горький, вспоминая о Чехове, говорил, что тот очень любил строить, разводить сады, украшать землю, чувствовал поэзию труда и однажды сказал: «Если

каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что он может, как прекрасна была бы земля наша!» Мне сильно врезались в память эти слова. Вообще, по-моему, прочитав все чеховское от строчки до строчки, просто невозможно сотворить какую-нибудь гадость.

Открытый несколько лет назад и немало нашумевший город романтиков Кедроград здесь же. По одну сторону озера — владения Телецкого лесхоза, по другую — Кедроградского. Это вовсе пока не город, а растущие в тайге ряды скромных деревянных домиков, два-три живых кипучих островка на необъятных кедровых плантациях. С некоторыми кедроградцами я уже успел познакомиться: с теми, в чьих руках леса, примыкающие к озеру, и кого переманил к себе Рослик. Раньше он был главным кедроградским механиком, а когда переходил в Телецкий лесхоз, за ним и его заманчивой идеей (потом расскажу) потянулись и они. Обыкновенные такие ребята, не очень сильные. Но есть в глазах у всех что-то особенное. Вернее, во взгляде. Приняли меня доверительно и в то же время посматривали как бы со стороны: мол, что за гусь такой выискался и много ли с него проку? Мне пока еще непонятна эта их подозрительность.

Один домик в Яйлю предназначен специально для кочующих кедроградцев и прочих временных приезжих, что-то вроде

З.Е.Г.В.
Ваш кедроград

гостиницы, с одной только разницей —
бесплатно. В ней я и остановился. Порази-
ло обилие книг и журналов, специальных и
художественных, — на полках, подоконни-
ках, столах. Они тоже для всех, и любой,
кто захочет, покупает любимые свои про-
изведения для этой не зарегистрированной
нигде библиотеки. Тут же состоялись пер-
вые мои знакомства с яйлюнцами. Вечером
один из них, Петя, долго и скучно фило-
софствовал на тему об одиночестве. Гово-
рил и жевал, медленно опустошая банку
кабачковой икры. С виду усталый и заби-
тый. Его никто не слушал или слушали не-
внимательно — все, кроме меня. Потом я
узнал, что он уже несколько дней ничего не
делает, ждет расчета. Не прижился. Думал
после техникума о какой-то особой долж-
ности, а ему предложили работать лесни-
чим на Беле, ехать в тайгу. Но с ней он не
нашел общего языка...

О ком мне с упоением рассказывали ре-
бята, так это о Дмитрие Степановиче Рач-
кине, яйлюнском садовнике.

— За каждую яблоньку чуть не плачет.
Хороший старик! Кому не очень, а мне
нравится, — хвалил Рачкина моторист Ген-
надий Спирюшин. Гена один из первых
приехал в Кедроград, как здесь говорят,
из России, жил в палатке, работал брига-
диром на строительстве, а теперь перебрал-
ся в Яйлю.

Я спросил, почему же Рачкин не всем нравится?

— Да потому, что ему казенный сад что свой — одинаково болеет и требует соответственно. Как что не порядок, идет к директору. А это кое-кого не греет, сердятся, видишь...

С утра сегодня я отправился к Дмитрию Степановичу...

Письмо

двенадцатое

...Этим летом встретил я случайно в троллейбусе старого знакомого моего отца, первоклассного шофера. Да ты его знаешь. Петр Васильевич. Разговорились, и он пригласил меня в гости. Сказал о детях: дочка учится в музыкальном училище, сын заканчивает десятилетку. Хвалился — вырастил сад за городом. И словно отщелкивал на счетах: столько-то штук яблонь, столько-то кустов смородины, столько-то корней клубники... Дачку построил.

Поехал я на эту дачу. Неожиданно Петр Васильевич разоткровенничался. Сначала вздыхал: сколько пота стоило ему возделывать все это. Благо, работу подыскал

удачную, в «Скорой помощи»: сутки на машине, трое — отдыха. Но отдыха он этого не знал, все гнул и гнул спину, успокаивая себя одним — окупится, окупится, окупится. Как сезон — ни кино, ни театры, ни в кино не ходил, к друзьям не приходил, так с весны и до поздней осени в земле. Забором огородил (ловчарка за мной порядком меня облаяла), а на воротах устрашающую табличку повесил: «Осторожно! Злая собака. Кусается!» Весной пошину. И окупилось — детишкам на морожишко. Клубника, яблоки, да и цветы тоже пошли на базар — правда, по какой-то цене: не спекулянт все-таки...

Стол для меня собрали на даче, конечно, не отказался от угощения, но подумал о хлебосольном хозяине со всем равнодушием. И еще решил, что у него последний раз, хотя очень соблазнительно было принять предложение в любое время брать ключи и приезжать на дачу с кем угодно. Я всем нутром своим не перевариваю «знойных представителей жаркого юга», которые круглый год торгуют на нашем рынке фруктами и особенно зимой заламывают дикие цены. Когда нет в магазине, другая мамаша надумается купить на базаре яблоко или апельсин с зарплаты. А они разъезжают в собственных «лимузинах» и строят себе особняки на Черном море. Петр Васильевич тоже обзавелся недавно собственностью — купил «москвича»

и мечтает о «Волге»... Я ждал — вот он скажет: посмотри, красотища-то какая, и все я, своими руками. И не дождался.

Я вспомнил ярославского «любителя природы», побывав у Рачкина. Его здесь называют алтайским Мичуриным. И внешне он чуть ли не копия — Мичурин. Личность колоритная. Седые длинные волосы свешиваются из-под старой соломенной шляпы с высоко загнутыми по бокам полями. Широкие, пушистые и белые, как лебяжий пух, брови. И где-то за ними прячется поблекшая синь в узких щелочках глаз. В стеганой темно-зеленой фуфайке. И лицо тоже будто выстегано аккуратной рукой: ровные глубокие морщины прорезали лоб. Дмитрию Степановичу в октябре сравняется семьдесят пять. Он чуть пониже среднего роста, а может, и среднего, опирается на массивный сучковатый посох, но в гору — сад и дом его расположены на возвышенности, поближе к Солнцу и свету — поднимается бодро, без остановок и шутит на ходу:

— Почему спешу? Бражка у меня в избе на столе. Придем, по чарочке...

А жизнь Рачкина складывалась так. Уроженец он наш, волжский, из Саратова. От деда Рачкины занимались садоводством. Дед и учил внука понимать садовую науку. Сам старик ходил за помещичьим садом. Рачкин-младший у барина начал прислуживать. Лето — в саду, а зимой за

сапожное дело принимался. В Сибирь судьба занесла Дмитрия Степановича в 1910 году. Обосновался он в городе Камень-на-Оби и надумал свой сад развести. Но все каменские «стращали», что замерзнет любое фруктовое дерево: привозили из России любители, пробовали — одна погибель получалась.

— Как-то целое лето бродил я по Кулундинским степям, — на ходу срывая с ветки яблоко покрупнее да покрасивее и угощая меня, продолжал Дмитрий Степанович свой неспешный рассказ. — Спрашивал, как здесь приживается фруктовое дерево. Обязательно отвечали мне, думая, что я исследователь или ученый какой, что пустая, мол, затея — сады тут выращивать. А словом одним сказать — неклиматно. Потом услышал я: есть за Телецким озером Чулышманская долина, где монахи сад развели...

После гражданской войны поехал он в Чулышман, по саду истосковалась душа его. А монастыря и нет. Интернат на месте его, живут беспризорники. Видит: порубили весь сад, вроде во время боев с беляками. Одна яблонька стоит, колышется. Он к директору: давайте, мол, сад вам разведу. Но не было на это средств у директора. Тогда предложил он взяться за огород. И все хорошо уродилось: и огурцы и помидоры. Позже съездил в Горно-Алтайский питомник к главному садо-

воду Михаилу Афанасьевичу Лисавенко, советы у него взял и саженцев десяток. Было это двадцать пять лет назад. «Пустил сад» на Чулышмане (рачкинские слова — «пустил сад») вокруг той одной случайно уцелевшей и обихоженной им яблоньки. Прослышал о Рачкине директор Телецкого заповедника, явился как-то к нему в гости и уговорил переехать в Яйлю — там «сад пустить». И вот Дмитрий Степанович показывает мне свое бесценное телецкое сокровище, водит по саду, осторожно касаясь ладонями стволов и веток, поглаживая их, готовый, кажется, заключить все это вместе в свои объятия, если бы возможно было... В саду только яблок полсотни сортов, растет груша, слива, абрикосы, черноплодная рябина, маньчжурский орех. Десять гектаров занимает сад, а будет скоро занимать сто. Это и есть идея Рослика, идея, которой живет он сейчас и заражает ею кого только может.

Все-таки великое искусство — повести за собою людей. Вот в школе у нас были свои «атаманы». Мы тогда уже кому-то смотрели в рот дольше других и сами слушали кого-то с раскрытыми ртами, кого-то не дразнили и не били, а дразнил и лупил всех подряд ОН. Так, вырастая и формируясь, КТО-ТО всегда оказывался крепче духовно или физически, выше нравственно, более идейно убежденным и закаленным, страстным и непримиримым. За та-

ким идут, такому верят, такого уважают друзья. И противники — тоже. Его можно опровергать, но к нему нельзя не прислушаться. Рослик действительно ТАКОЙ.

Если бы люди чаще задумывались над тем, что они значат в существе своем, и не только для людей, а и для своего же собственного интереса и собственной пользы раскладывали себя по полочкам время от времени! Вот Петр Васильевич уже с запашкой — обыватель и мещанин, хотя любящий муж, отец, добропорядочный семьянин и на службе у него — отличная характеристика. Сам он не подарит сад свой какому-нибудь учреждению или, скажем, обществу по охране природы. Его «расколоть» надо...

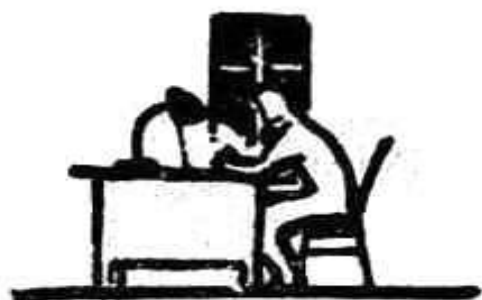
Бражка у Рачкина оказалась превосходная. Жена его, накрывая на стол, мрачно улыбалась, хотя угощала довольно охотно. И сидели мы за столом втроем, и пили мы бражку, и было нам вместе полтора года. А мне двадцать пять. Почему мрачно?..

Рачкин совсем рассловоохотился после второй кружки, про дочку стал рассказывать, Тамару. Учится она в Барнаульском сельскохозяйственном институте, на факультете садоводства.

— Здесь будет работать, — уверенным и вдруг помолодевшим голосом сказал он, глядя через мутноватое небольшое оконце в глубину сада, где терялась дорожка от дома к озеру.

— Нехорошо, чтобы после отца все на-
смарку пошло. Обещала приехать.

Да, у каждого смертного наступает день
или час, когда он задумывается: а что
дальше, а что после меня и кто продолжит
начатое мною? Если вообще что-то успел
и сумел начать, шел по дороге, у которой
все впереди.

Письмо

тринадцатое

...Жарко. Солнышко
вовсе не сибирского пошиба. Скупнуться
бы ото сна! А вода ледяная. Присел на
чурбан и опять загляделся на озеро. Горы
на другом берегу обволокла легкая сизая
дымка. Прибрежная волна касается гальки
так тихо, что ее почти не слышно. У ног вид-
на каждая песчинка на дне, каждый каму-
шек, обкатанный вечным движением воды.

Сегодня воскресенье и скукота необык-
новенная. Все куда-то подевались, да и
всех-то тут с гулькин нос. Да, городской
житель, хочет он этого или нет, все боль-
ше удаляется от природы, его породившей.
И остаются лишь минутные свидания с
ней, чтобы насладиться красотами и дара-
ми ее. Однако в последнее время (не знаю,

заметил ли ты) люди невольно потянулись из каменных громад к лесу, полю, маленькой рыбной речке, потянулись с какой-то новой треволнительной силой. Чем бы ты мог это объяснить? Век такой тревожный, что ли, и хочется тишины? Или просто душа рвется на нескованные просторы...

Пойду к Рослику. Говорят, он вернулся сегодня ночью, а с утра уже в конторе. Несмотря на выходной, туда потянулся яйлюнский народ. Вот только что прошагали мимо два дядьки. Один важный, с туго набитым портфелем. Видно, не местный.

Вошел, поздоровались. Я сказал:

— Коварный вы человек, Константин Иванович. Совсем вас заждался.

Рослик хорошо так заулыбался:

— Ну уж, ничего подобного. В Турочаке оставляли до понедельника, а я, вот он, весь перед вами. Через день опять уезжаю. Тяжба у нас тут неприятная. Садитесь.

Те два дядьки были тоже там. Один, оказывается, — главбух лесхоза, а важный с портфелем — ревизор из центра. Ревизор жил здесь неделю и пришел познакомиться директора с результатами проверки. Но Рослик минутами отвлекался. В кабинет входили люди, его рабочие, и у каждого своя забота. Он не заставлял их ждать у двери, с той стороны, а выслушивал и решал сразу — что и как.

Кто-то из рабочих, пьяный, угнал мотобот от причала, сломал его. От рабочего

потребовали уплаты штрафа за холостой прогон и поломку. Тот отказался. Рослик предложил передать дело в товарищеский суд.

Пожилой рабочий, только переехал с семьей в Яйлю, просил прислать печника переделать печку — дымит. И нельзя ли кровли на крышу?

И снова глаза Рослика бегали по столбикам цифр. Вдруг вызвала сомнение одна из них — цифра площади ухода за лесными культурами. Необходимо уточнить у помощника, тут же. Рослик пригласил Валентину Михайловну. Мне показалось, что он даже не сомневался, что она где-то здесь, рядом с его кабинетом, хотя воскресенье. А она и на самом деле была рядом. Стоило Рослику только снять трубку и позвонить в ее комнату...

И еще десяток, на первый взгляд, мелких, незначительных дел. Но это его, росликовское хозяйство, его трезвая повседневность.

Я люблю увлекающихся людей. Если бы ты мог видеть, как разгорелся Константин Иванович и лицо его светилось каким-то особым внутренним светом, когда он раскрывал передо мной карты своей мечты, которая мучит его неимоверно и в которой заключена вся радость надежд и, может быть, смысл жизни.

Рослик составил перспективный план организации хозрасчетного хозяйства на

Телецком озере. Плодородные земельные угодья плюс хороший микроклимат с влажностью воздуха 72 процента и отсутствием ранних и поздних заморозков позволяют наложить плодово-ягодный сад на 220 гектарах: 150 на Беле и 50 в Яйлю (около 20 уже есть).

— У нас все предельно рассчитано, — говорил он, перелистывая отпечатанную на машинке и скрепленную отдельно пачку листов. — Через шесть лет мы стали бы давать по 15 килограммов яблок и столько же овощей на каждого жителя района. И это в нашем крае, где так не хватает витаминов, особенно детям. Себестоимость одного килограмма яблок обойдется в 15—20 копеек, овощей — 1,5—2 копейки. В перспективе строительство на месте своего консервного завода. 150—200 тонн плодово-ягодных соков выдавали бы мы ежегодно. При этом нужно развивать промышленное, а не карликовое хозяйство. Наши поселки, бесспорно, должны приобрести городские очертания. В первую очередь необходимо построить школу. Дети лесников подрастают, и приходится отправлять их в села, где есть средняя школа. Они живут на квартирах. Это накладно для родителей. И вот человек любит природу, а уезжает.

В будущем отсюда могут пойти сады по всей Сибири. Семена, саженцы. Хозяйство очень рентабельное. Нет, вы только пред-

ставьте себе на минутку — Телецкое озеро в яблоках. На 12 километров по берегу тянутся фруктовые сады! Летом озеро накапливает тепло, а зимой излучает его. Примерно от Яйлю и выше, до Алтын-Ту, озеро вообще никогда не замерзает... Приезжал тут на экскурсию генерал один из ГДР. Говорил: если русские освоят озеро, то лучше будет, чем в Швейцарии. Хотя мы считаем, что у нас в этом смысле и сейчас настоящая Швейцария.

А теперь о тяжбе, которая сидит у Рослика в печенках. Началось все, казалось бы, с забавного случая. Был он в отпуске, уезжал на юг. Только уехал, получает его заместитель срочную телеграмму с Бели от лесничего на имя Рослика: «Просим прибыть решения семейного вопроса». Ну, тот подумал, подумал и под сукно телеграмму — что, мол, там еще за неотложный семейный вопрос, пусть Рослика подождают.

Когда вернулся Рослик, выяснилось, что в телеграмме опечатка: «Просим прибыть решения земельного вопроса». А это уже посложнее. Скажи, что на Земле дороже, ценнее земли?!

По закону земли в Беле принадлежат соседнему алтайскому колхозу. И те, что Рослик под сад занять рассчитывал, примыкающие к берегу, колхоз никогда не распахивал и под луга не использовал. А тут узнали, что их землю хотят под са-

ды занять, и выиграло чувство собственности у руководителей артели:

— Не отдадим! Наше—не ваше! Ваше—не наше! Мы вас не трогаем, и вы нас не трожьте. Наше—не ваше... (Ох уж этот подленький принцип!)

Председатель колхоза издал приказ: «Загнать три тысячи коз на территорию Бели».

И началось. Рослик в облизполком, в райком, туда-сюда. Он уверен, что правда на его стороне. И правильно, по-моему, уверен. Все равно этот кусок земли не нужен колхозу, ведь обходились без него годы и годы. А тут — сады. И детям колхозников яблоки!

...Пригласил к себе на обед. Пришли, жена плачет:

— Нет у тебя ни одного выходного дня. Надоело мне все это. Смотрю, смотрю да и скажу решительное слово.

На самом деле, Рослик все время в разъездах. Его идею в районе и области никак не могут окончательно рассмотреть. Тянут почему-то. И снова приходится где-то, что-то, кому-то доказывать, сотый раз убеждать в целесообразности, уточнять детали, координировать, посылать дополнительные справки и так далее и тому подобное. Сам Рослик заражен своей идеей беспредельно, каждая клеточка его души, кажется, дышит ею. В общем, покоя — нет. И такие ли бои еще предстоят ему.

Старшая дочка живет у родственников, учится в школе (в Яйлю только четыре класса). Жена говорит:

— Давай уедем туда, где жизнь нормальная, не вразброд жить.

А идея? Рослик доедал вторую тарелку украинского борща. Молчал. Разве отступит!

.

Сегодня Константин Иванович свозил меня на Саратов. Это источник, по озеру километров двадцать от Яйлю. Ехали на катере, который Рослик занял у «научников» (так зовут здесь ребят из академии). С нами увязался и ревизор с супругой. Он и ее привез на «ревизию». Так, показать озеро. И за дешевыми фруктами. Я наблюдал днем такую картину. Ревизор спросил Рослика: нельзя ли купить у них яблок? Ну, Рослик, конечно же, не мог отказать — пожалуйста. И старик Рачкин притащил полную корзину китайки. Они здесь необычайно вкусные, эти яблочки. Денег почти что не взяли, но ревизор, по-моему, не очень расстроился...

Моторист на катере «Наука» Илларион Иннокентьевич Зиновьев, которому где-то посредине между тридцатью и сорока, — коренной сибиряк. Все ласково зовут его Ларион. Чем-то он согрел и меня. Огромный, как медведь, и руки — что лапы медвежьи. А лицо доброе-доброе и просто-

душное. Ясные глаза, будто у ребенка. Ларион угостил меня супом с маралятиной. Суп захватил в объемистом оловянном чайнике. Удобно. Дома не успел перекусить. Бульон был полуостывший, и сало застывало на зубах. Но, в общем, вкусно. Первый раз в жизни ел маралятину. Много у меня за две недели путешествия — первый раз в жизни. Две недели. Много это или мало? Я совсем запутался в числах. Но чувствую совершенно реально обновление мыслей, души, всего себя. Я начался заново где-то в полетах над горящей тайгой с парашютистами-пожарными. Даже только для того, чтобы испытать это необычайное и свежее, как ветер с моря на утренней заре, чувство, стоило забраться сюда, за тысячи километров от дома.

Запыхавшись, поднялись на Саратовку. Маленький ручеек вытекает из скалы. А в благодарность исцеленные оставляют здесь куски материи, платки, ленточки, чулки, носки, рубашки... И все это, разноцветное, необычайно пестро облегают кусты, нависающие над ручейком. Картина живописнейшая. Еще оставляют деньги, мелочь, прямо в ложбинах скалы. Мы взяли горсть этой мелочи, и на глаза попалась царская монета — гривенник.

Ручеек наполняет деревянную ванну и, переливаясь через край, продолжает свой бег под крутой уклон. Ванну сделали те, кто сюда приезжает. А приезжают, гово-

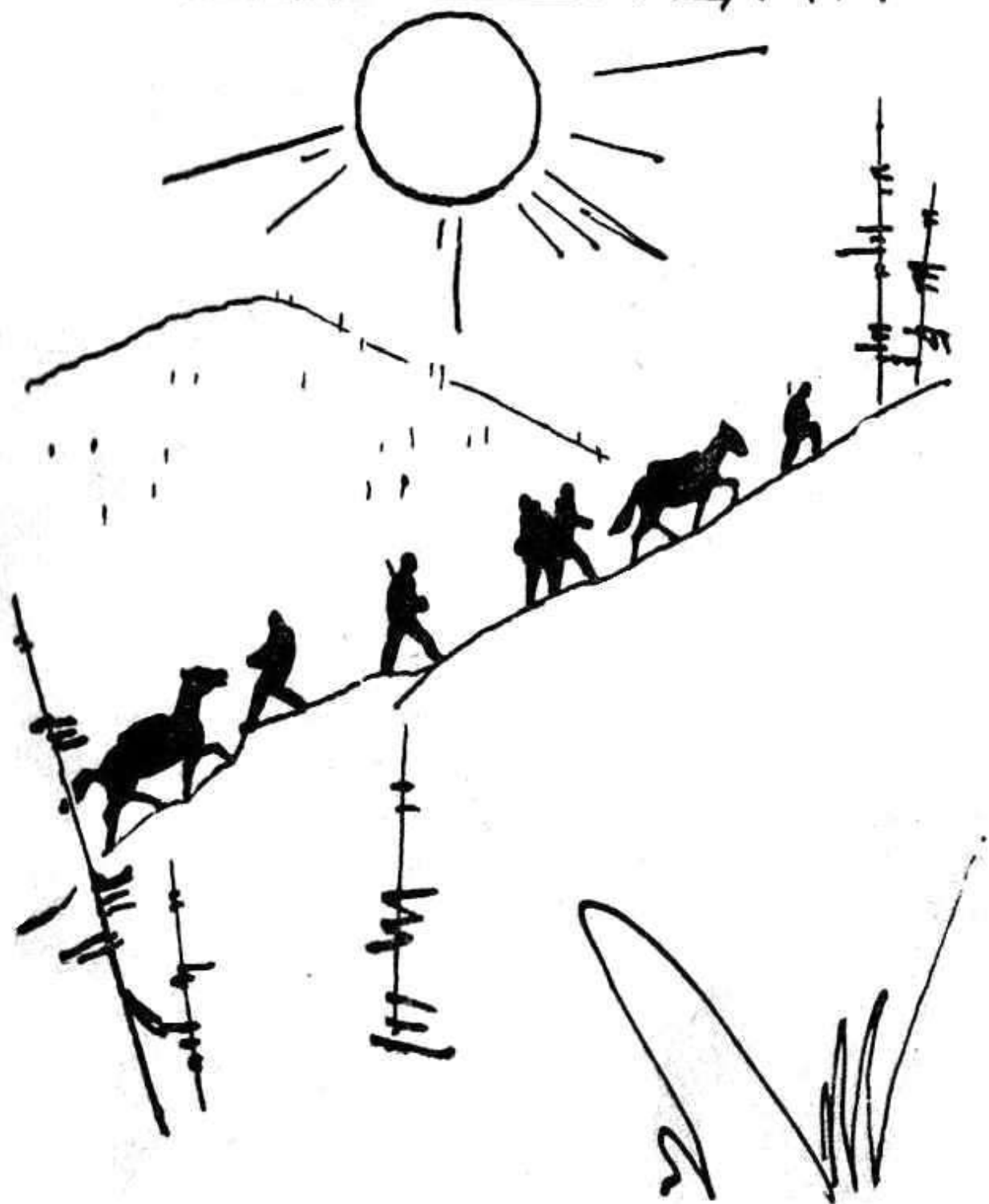
рят, с незапамятных времен. Недавно Ларион привозил комиссию врачей — брали на исследование воду. И еще он рассказывал: привозил как-то позапрошлым летом в Саратов одного московского академика, страдал экземой. Еле затащили старика на гору к источнику. Покупался, покупался он, потом стянул с себя шелковую тенниску и по традиции тоже на куст набросил рядом с уже обветшалыми тряпицами. Писал потом академик директору заповедника: помогло очень. Хотел еще раз приехать.

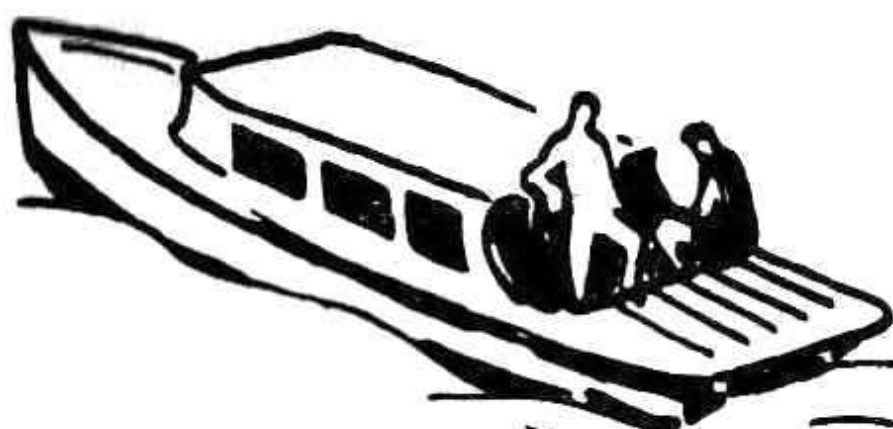
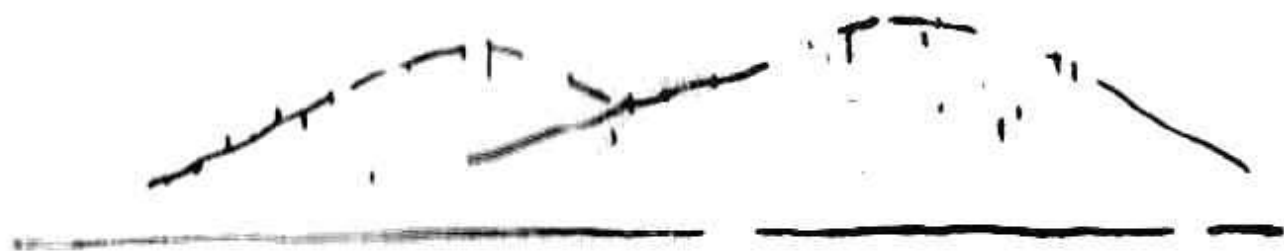
Когда человек уходит с источника вниз, после себя оставляет непременно, неписанный закон, охапку дров и спички. Мы решили погреться, и Ларион под дровами, аккуратно сложенными рядком, отыскал полный коробок спичек, прикрытый кедровыми веточками, чтобы дождь не замочил. Приезжие, некоторые задерживаются на несколько дней, живут на берегу в палатке или строят шалаш там, наверху.

Разложишь костер. Чиркнешь спичку. Горит. Тепло. Весело. А может, и немножко грустно. Какое настроение. И думаешь о том, кто припрятал для тебя кусочек этого тепла и света.

ЖС'ПЕДИЦИЯ

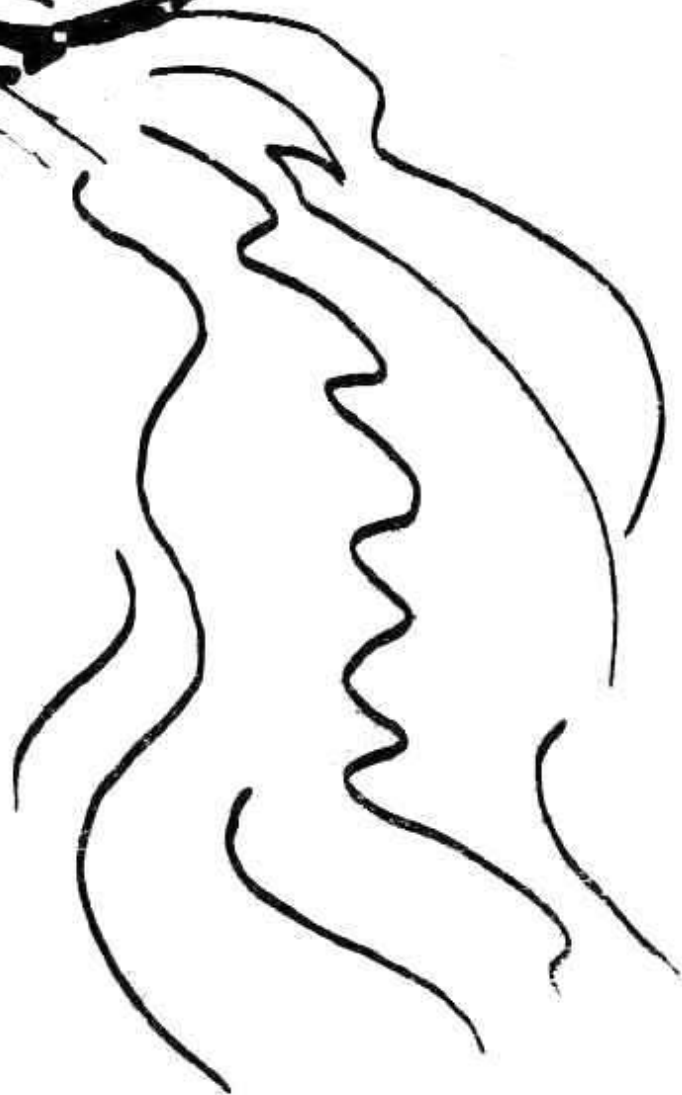

День первый

Разговор

о призвании

...Сегодня «научники» собираются в экспедицию. Я решил упросить их взять меня с собой. Последнее слово было за Владиславом Воробьевым. Здесь все запросто, но уважительно называют его Владичем. Владичу — двадцать шесть

лет. Уже год, как он возглавляет Телецкий стационар Сибирского отделения Академии наук СССР. Владич смерил меня неприступным, полным достоинства взглядом, во всяком случае, так мне показалось, помолчал минуту, о чем-то напряженно раздумывая, но согласился.

Цель экспедиции — заложить в тайге ряд пробных площадей для определения динамики плодоношения кедров на самом богатом Тузеимском массиве, определить, какой урожай будет в следующем году, и заодно посмотреть, как вывозить орех, есть ли удобные спуски.

Полным ходом идут сборы. Руководит ими сам Владич. Укладывают продукты, подбирают различные инструменты, лопаты, веревки. Заряжают простой и цветной пленкой фотоаппараты. Проверяют ружья, уточняется запас пороха и патронов. Владич ходит с толстой тетрадкой в клеенчатом переплете — в ней члены экспедиции по порядку расписываются за взятые вещи. Все уходят в тайгу на 10 дней, я — на четыре. Лариса Барсова, научный сотрудник отделения, рассчитывает, на какую сумму мне взять с собой продуктов и что именно:

— Четыре дня по 80 копеек. Итак, тридцать. Сходите в ларек и купите на эти деньги четыре пачки соли и бутылку «горючего». Всё! А вот еще деньги — это на всех: бутылку подсолнечного масла, два куска мыла и «гробик» сигарет.

Идем с Владичем на склад. Взбираемся по крутой лестнице под самую крышу — здесь хозяйственное хранилище «научников». Он выдает мне кирзовые сапоги, черные штаны из плотной материи, достает откуда-то из угла теплые портянки. Сейчас бегают, разыскивает для меня спальный мешок. Хотя «бегают» — это относительно. Владич хромает, одна нога у него не гнется. Непонятно, как удаются ему многокилометровые переходы по тайге, как забирается он с грузом на высоченные скалы?

Идут в тайгу шестеро. Шестеро, не считая меня. Шесть разных судеб, разных жизней и характеров со множеством крутых и плавных поворотов, тончайших нюансов души, которые не так-то просто разгадать и почувствовать за три-четыре дня. Как-то я выдержу этот первый настоящий поход, подъём в тайгу через горы в составе самой заправдашной экспедиции? Необыкновенно заманчиво и чуть-чуть страшно. Вдруг Владич и другие подумают сразу же, что я не «тот человек».

Владич и за кассира. Только что он выдал зарплату всем сотрудникам стационара. Их всего девять. Моторист Ларион снял кепку и трясущейся рукой просил добавить рублик. Все смеялись.

.

Ларион везет нас по озеру на моторной лодке «Камга» (по названию реки и зали-

ва недалеко от Яйлю). Посудина вместительная, под крышей. Но уже старая, потрепанная водой и ветром. Делал ее сам Ларион. Попадала «Камга» в разные переплеты: штормы и бури, меж льдинами протискивалась, но, как говорит Ларион, всегда хорошо отыгрывалась на волне. Что за руки у этого чудесного сибирского «медведя»!

Однажды мне довелось наблюдать, как хозяин, деревенский житель, рубил себе избу. Я приходил, садился на завалинку соседнего дома и смотрел. Смотрел и завидовал искусству его рук, его таланту умельца-строителя. Это запомнилось на всю жизнь.

С нами в лодке собака Ларисы. Первый раз встречаю собаку по имени Крокодил. Уменьшительно, нежно — Крок, Крошка. А вообще — это здоровый мохнатый пес с умными ласковыми глазами.

Потеха! Крок заснул, развалясь на дне лодки. Все четыре лапы его засунули в сапоги, на голову напялили бесформенную кепку Лариона, на глаза надели очки Ларисы и в пасть вложили сигарету. Получился парень что надо. И только когда подождгли сигарету, Крок неохотно зашевелился, чихнул и еще больше всех рассмешил.

Я тоже, видно, не могу без происшествий. Только что причаливали к кордону Ижон (кедроградская сторона). Заезжали за палаткой, спрятанной в камнях. Ее

одадживали кедроградским ребятам. За палаткой пошел Владич. Крок выскочил на берег и понесся в гору. Владичу за ним было не угнаться, чтобы вернуть в лодку, и я поспешил опередить остальных, показать с самого начала, что вовсе не собираюсь прохлаждаться всю дорогу. Крока догнал, но, когда запрыгивал обратно в лодку, поскользнулся и полетел по камням в озеро. Часы разлетелись, ссадил колено, куртку промочил насквозь. Называется, проявил себя. Кто-то пошутил: «Менингит, радикулит и копчик вдребезги...»

Но мне вовсе не до смеха.

Владич лежит на дне лодки. В руках — журнал «Юность». Показывает мне стихи Роберта Рождественского. Ему понравились, хочет, чтобы я посмотрел. Пробегаю глазами первую строчку.

Я жалею, жалею девочек...

Это о «безбилетниках», у которых нет ничего за душой. Юные старички. Они и не пытаются найти себя в жизни, понять смысл ее и значение. Скажи таким о тайге или сибирской стройке. Засмеют еще.

Разве вам весело, девочки?

Разве вам весело, мальчики?

Через несколько минут Владич вдруг сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вся тайга наша будет, всю обойдем!

И продолжал:

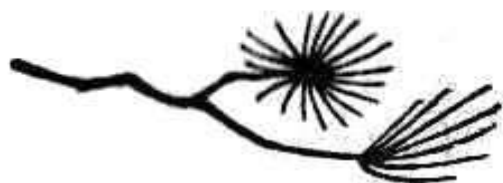
— В «Комсомольской правде» был разговор о призвании. Многие писали, что можно работать только по призванию, иначе нельзя. А одна девушка писала, что это неправильно. Можно и без призвания стать отличным шахтером, скажем, или строителем. Я тоже так думаю. Уж надо одно дело до конца доводить, если его выбрал.

Ларион, Владич, Лариса... Еще с нами на «Камге» Иван Коротков, аспирант Барнаульского сельскохозяйственного института. За лаборантов едут Коля Михеев и Сая Власов. За проводника — лесник Володя Смирнов, сын того самого знаменитого садовода Смирнова с конца озера. Второго проводника захватим по дороге, в Челюше, — алтайца Петро Кастахова.

На Челюше всего два дома. В одном из них живет молодой лесник Петро Кастахов. Он встретил нас на берегу и сказал Владичу, что лошади готовы. С нами в тайгу будут подниматься четыре лошади, на которых навьючат все вещи: рюкзаки, спальные мешки... Переночуем здесь и рано утром начнем восхождение на гору Тузеим.

Только добрались до Челюша, как начало темнеть. Владич назначил дежурных на завтра. Выпало мне и Саяне. Договорились: встаем с ним в шесть утра. Пишу в палатке. Их у нас две. Меня взяли к себе Иван

и Владич. Сейчас они читают, а я изучаю их лица. Горит свеча. Под левым боком у меня монотонно плещется Телецкое озеро.

День второй

**Тайга,
пробный камень**

Туземим был пробным камнем всех моих физических сил и возможностей. На первых же ста метрах подъема сердце начало подкатываться к горлу и трепетало в нем даже на минутных привалах. Просто из интереса стали щупать друг у друга пульс. У всех была норма, и только у меня 120.

Были моменты, когда становилось совсем невмоготу. И ружье на плече казалось пудовым грузом. Тогда замечал впереди, метров за двадцать, дерево и говорил себе: если не дойду до этого дерева, то я слякоть, рохля и вообще ни на что в жизни не гожусь. Ребята шли больно уж лихо. Четверо вели под уздцы лошадей — Володя, Николай, Саня и Петро. Мы замыкали шествие. Вернее, замыкал я. Отлично шла Хлора (так в шутку зовут Ларису: Лора-Хлора). А Владич... Я начинаю восхищаться им. Сначала он шел вместе со всеми. А потом, миновав один привал, отправился

вперед, и его догнали чуть ли не на вершине Тузеима.

Примерно с половины пути таежная тропа совсем испортилась. Она вся завалена опрокинутыми деревьями, перегораживающими дорогу. И надо было видеть, как Владич заносил негнущуюся ногу на метровую высоту, с необычайной ловкостью преодолевая любые завалы. Зато у меня ноги окончательно переставали слушаться и были словно не мои. Я ничего не мог с ними поделать. Каждое встречное «бревно» начинало вызывать во мне жгучую ненависть. И я брал их под конец буквально «на приступ»!

Владич очень сильный, выносливый человек. Для него ничего не стоит поднять груз в 50—60 килограммов. Вчера Владич говорил, что нередко талантливыми оказываются уродливые от природы люди, с физическими недостатками. Явно он не подозревал себя. Владич и виду не подает, что его сколько-нибудь тревожит несгибаемая нога. А Лариса сказала мне, что Владислав талантлив.

Когда я увидел издали, из-за деревьев, что развьючивают лошадей, не поверил глазам. Передо мной все мельтешило. Мне казалось, что уже не будет конца дороге, тайге, тайге, тайге и крутому подъему и что, наверное, я все-таки не выдержу. Присяду и не встану долго. И еще я понял, что одному оставаться в тайге жутко. Почув-

ствовал это, когда все ушли вперед настолько, что моего голоса не было слышно. А я кричал им, потому что потерял из вида тропу. Она утонула где-то в высоченных, по плечо, травах, и я не знал, куда мне двигаться дальше, пока снова случайно не попал на нее.

Вдобавок ко всему мы с Саней сегодня дежурные. Я резал мясо, картошку и готовил буквально с помутившимся от изнеможения сознанием, любую минуту готовый свалиться.

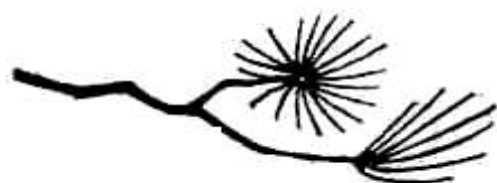
После обеда все разошлись, остались только мы с Хлорой. Николай, Володя, Сания и Петро взяли ружья и пошли охотиться, а Владич с Иваном отправились искать места для пробных площадей. Я прислонился к палатке и задремал. А когда немножко оклемался, почувствовал, что дико голоден, хотя за обедом ремень чуть не лопнул и времени прошло совсем пустяк. Много же, видно, энергии ухлопал я на этот переход, испытание на выносливость. Жаль, что кто-то уже «увел» моего рябчика, которого я не осилил за обедом. Наверное, его отдали Кроку. Рябчиков настреляли по дороге Володя и Петро. Они считаются в этих местах первыми охотниками.

Хлора рассказала любопытный случай: — Прошлой зимой я и Виктор Воробьев, тоже наш — со стационара, научный сотрудник, жили в избушке на Аю-Коле. Спускались обратно в низину на лыжах.

До дрожи в ногах. Склон был очень кругой. Потом шли выше колен по снегу. Молчали. И вдруг я, не знаю почему, говорю: «Вить! Впереди следы». Никаких следов, конечно, не было, но нам стало весело. Идем, идем, и кто-то из нас возьмет и скажет: «Впереди следы!» И снова хохочем. А когда спустились вниз, заметили, что нет Крока. Он по пути спугнул двух маралов и умчался за ними. Мы не обратили внимания, что он не вернулся... Крок был еще совсем малыш. Надо было возвращаться — искать его. И снова полезли на гору. Километра два подъема. Пришли в избушку, а Крок лежит спокойно у порога так, как всегда привык лежать в ожидании, когда мы проснемся и выглянем наружу...

Хлора рассказывала весело, а я представил себе, чего им стоило это возвращение.

Ребята начинают выходить из тайги. Вот показались Владич и Иван. Надо приниматься за ужин. Я — дежурный.

День третий

Искатели

кедровых истин

После завтрака сразу двинулись в тайгу. Владич рисует мне картину целей и задач «научников». Ког-

да ликвидировали заповедник, Телецкий стационар остался здесь как островок науки. Научных сотрудников всего пятеро, комсомольцы. И все думают, как Владич: «Вся тайга наша будет, всю обойдем!» Значит, и вся страна — тоже их. Они все такие, эти «научники» с Телецкого.

А пока, пока надо продолжать исследовательскую работу. Тема Владислава — «Динамика плодоношения кедра сибирского». Тема Ларисы — «Роль грызунов в естественном возобновлении кедра». Тема Ивана — «Процесс естественного возобновления и формирования кедра». Кедр — их бог, кедр — их господин. На него они молятся.

Главная задача — провести комплексное изучение кедровой тайги. Разобраться, как происходит общее развитие кедровых растений. Очень серьезное значение придается естественному возобновлению кедра. Леспромхозы рубят его порой как попало, захламляют территорию вырубок, лесосеки не возобновляются. И ученые не всегда могут объяснить — почему? А посадки не выживают, особенно на больших территориях. Стоит вопрос размножения кедра орехами.

— Нам нужно, — говорит Владич, — чтобы кедровые орешки взошли мгновенно, как вспышка, чтобы их не успели поедать мыши. Основной бич всходов — мыши и птицы. Мы пробовали применять китай-

ский способ подготовки семян к посеву и посадки кедровых орехов. Заложили орехи в яму: слой орехов, слой песка. Возникла влажная атмосфера, которая создала пропаривание орехов, подготовила их развитие. Так лежали они год, и, когда их высеяли в питомнике, всходы появились на десятый день. За неделю орехи взошли на всей площади. Провели и такой опыт. Сеяли кедр без подготовки почвы. Сняли один слой дерна, подрезали второй и под него насыпали горсточку орехов. Их среди травы не видят мыши и птицы. Пока это дало самые лучшие всходы.

Вся горная тайга делится на четыре пояса. В верхнем поясе и среднем кедровые леса возобновляются сами. А вот в нижнем поясе нет такого возобновления. Кедровым орешкам трудно пробиться к свету в густом травостое, который могучим покровом расстилается по земле. Должна быть проявлена забота о том, чтобы в нижнем поясе, где идет в основном вырубка кедра, насаждение его велось искусственным путем. И «научники» обязаны дать соответствующие рекомендации лесхозам и леспромхозам.

Надо узнать в результате исследований, сколько возьмут ореха птицы и звери и сколько может взять человек. Орех нельзя брать хищнически — грабить тайгу. Тогда животные будут уходить из этих мест дальше.

— А такой птичке, как кедровка, — продолжал увлеченно Владич, он уже крепко сел на своего конька, — я бы памятник в тайге поставил. Она прячет кедровые орешки под мох и забывает о своих кладках. И эти орешки дают всходы.

Изучение процессов плодоношения кедра позволит определить закономерность урожая, делать прогнозы, устанавливать сроки сбора урожая орехов. Не стоит говорить, какое значение имеет все это для здешних лесных хозяйств. Поэтому к слову «научников» очень прислушиваются. Рослик, например, всем, чем может, помогает ребятам со стационара. В этот раз сам предложил взять им с собой в тайгу на помощь двух лесников, дал лошадей и даже обещал достать бесплатную лицензию на марала.

Владич признается доверительно:

— Каждый раз, когда закладываются пробные площади, мне все кажется, что это и моя проба сил... Хочется тайгу побольше посмотреть и садом заняться. Рослик заразил садом всю «науку» нашу.

Пробные площади закладываются от уровня Телецкого озера до гольцовых гор в каждом поясе. Мы сейчас где-то посредине.

Пришли на место. Его еще вчера подобрали Владич с Иваном. Владич распределил работу — кому чем заниматься. Саня начал затесывать и рубить сухостойные

кедры. Четырьмя угловыми столбами надо ограничить пробную площадь и изучить ее со всех сторон: определить породы деревьев, запас насаждений, возраст их, дать им качественную характеристику, учесть весь подрост по возрастным категориям, узнать характер почвы (сделать морфологическое описание — образцы пойдут на анализ биологам), какой живой напочвенный покров — мхи, травы. Рельеф местности. Все эти показатели будут характеризовать тип леса. Надо пересчитать все деревья и разделить на пять классов по диаметру. От каждого класса потребуются одна модель. Тогда по следам от шишек на ветках можно проследить динамику плодоношения за 20 лет.

Практически это покажет, через какое время бывают урожайные годы, и, таким образом, позволит прогнозировать урожаи, что очень важно для орехопромысловых хозяйств.

Все постепенно включаются в работу. А я пока наблюдаю, подхожу к одному, другому, рассматриваю: что к чему? Петро делает вешки. Коля и Володя занялись точкованием: определяют диаметры стволов кедра и пихты. В руках у них рулетка и тетрадь с разграфленными листами.

Иван ходит с двумя двухметровыми шестами и линейкой. Шестами обрамляет квадраты, а линейкой измеряет высоту кедровых и пихтовых подростов. Ему надо

выбрать 25 площадок по четыре квадратных метра равномерно по всей пробе. В специальную графу записывается подрост за три последних года, чтобы уловить связь между урожаем и процессом возобновления. Он должен еще определить, как подрастает древостой в естественных условиях и при вырубке, на гари. Это может быть использовано в работе лесопромышленности для разработки более рациональных рубок: рубить на тех площадях, где теоретически уже известно, что возможен естественный подрост кедра или легко можно производить искусственные посадки.

Хлора делает квадратики 50×50 сантиметров на расстоянии 10 метров один от другого.

— Я за математику в биологии, — серьезно говорит она.

Поднимает дерн, сильно мнет его в ладонях и пропускает через пальцы. Надо отыскать кедровые орешки или скорлупки от них. Орешки и скорлупки из каждого квадратика она завертывает в отдельную бумажку и складывает в целлофановые мешочки. Хлора учитывает, сколько орешков сгрызли мыши, сколько осталось. Выходит так: нельзя собирать весь урожай орехов, надо сколько-нибудь оставлять мышам. Иначе они съедят все орешки в земле и не будет естественного подрост кедра. Задача также — узнать, какие виды мышей едят орехи. Для этого Хлора уста-

навливает мышеловки, или, как она их называет, «давилки».

Все делают записи в своих полевых дневниках. Вот первая запись из дневника Хлоры:

«19.IX. Солнце, безоблачно, безветренно. Кедры, зеленомошник, черничник. Проба № 1. В подлеске — рябина, пихты. Площадка первая. Трава, мох, окно...»

Окна — это квадратики дерна. Их предстоит сделать Хлоре что-то очень много, не одну сотню.

— Сидишь вот так тихо, — говорит мне Хлора, — часто зверь набредет — марал, соболь. Раз увидела медведя, абсолютно белого, редкость в этих местах. Я когда встретила первого своего медведя здесь, в тайге, испугалась и долго одна в тайгу не ходила. Сейчас привыкла, не боюсь, особенно когда увидела, как убивают медведя. А однажды был случай: медведь разорвал наши семеномеры, но их бухгалтерия никак не хотела списывать. Обязательно полагалось назвать в «бумагах» виновного. Так и пришлось акты составлять на бедного мишку...

Наконец я тоже включился в «комплекс науки». Работу мне поручил Иван самую примитивную — рыть яму. Рыть, пока роется, пока не упрусь в каменную породу. Но камни попадались то и дело, крупные такие тяжеляки, и каждый приходилось выкорчевывать великими усилиями. Слава

богу, примерно на метре я уткнулся в скалу.

Саня пошел делать заметины на кедрах, которые будут рубить на модели завтра, и я увязался за ним. Саня — таежный житель и отлично знает всё про тайгу. Он рассказывает, какие деревья тут растут, какие водятся звери.

Величественные кедры поднимаются до вершин гор. Старые, замшелые и совсем молодой подрост. По склонам гор к ним примешиваются пихты, пушистые и мягкие. Нередко встречаются стройные ели. Свои владения имеет лиственница. Веселый смешанный лес покрывает нижние склоны гор. Попадают черемуха, калина, рябина. Мы разбили палатки под великолепной рябиной. Листья, желтые с оранжевым оттенком, кажутся неестественными, и низко свешиваются гроздья красных ягод. Под ногами мох, черника, множество поваленных полусгнивших стволов, покрытых особым видом мха, темно-зеленым и густым. На сырых местах разрастается черемша, или иначе колба. Она относится к роду луков. Сочный стебель и черенки листьев применяются в пищу. Казанцевы рассказывали, что заготавливают колбу на всю зиму, как-то необыкновенно ее маринуют. У нее, говорят, острый вкус и сильный чесночный запах. Незаменима против цинги.

Можно встретить и довольно редкое растение — маралий корень, левзею. Ма-

ралы копытами разгребают землю и едят корни. В них есть вещества, которые восстанавливают силы. Поэтому левзею при длинных переходах жуют охотники.

В этих местах даже сохранились растения от прошлых эпох и периодов, в других местах давным-давно вымершие. Реликтовые.

Саня сказал, что у подножия горы мог бы показать мне одно из самых ядовитых растений. Цикута. Я вспомнил: по преданию, цикутой был отравлен древнегреческий философ Сократ.

Здесь водятся лоси, северные олени, маралы, легкие косули и кабарга, взбирающиеся на головокружительную высоту. Из Средней Азии переселились сюда горные козлы и горные бараны. Саня расписывает красноклювую галку (они гнездятся над пропастями по скалам), говорит, как выглядит горная алтайская индейка — улар, белая куропатка...

Рассказчик Саня бойкий, и я не всё успеваю записывать. Мы возвращаемся, идем назад по собственным зарубкам. Слышу голос Николая. Это они с Володей продолжают мерить деревья:

— Кедр — 48. Пихта — 25. Четыре пихты по четыре и одна восемь...

Иван ползает на коленях, отыскивая среди мха крохотные подросты кедра, нежные, кудрявые зеленые веточки.

рит чужой, незнакомый человек. Волноваться начинаю. И отставать не хочется, и не хочется, чтобы тебе спускали на слаботь и коленках. Спокойнее идти, когда рядом кто-то из близких друзей, которые всё понимают.

Так вот почему Владич ушел вперед тогда, при подъеме на Тузеим. Я был чужаком среди своих, и он не хотел, чтобы я жалел его.

Владич шутит:

— Если бы не нога, так я, может, вырос бы лентяем и лоботрясом. Приучила она меня к усидчивости. Хочешь не хочешь...

Владич с отличием окончил институт, и ему предложили работу в горлесхозе. Приличный оклад, жить в городе, квартира... Он написал письмо в Алтайский заповедник. Оттуда ответили: приезжайте, место будет. И Владич, по договоренности с деканом, без направления уехал на Алтай.

Мать плакала, уговаривала остаться, не губить себя: «Как ты там будешь ходить по тайге?»

Перед отъездом отец, он военнослужащий, спросил сына:

— Ради чего ты едешь в тайгу?

Владич ответил:

— Ради интереса, чтобы быстрее узнать, на что гожусь.

Когда Владич приехал сюда, он работал сначала лесничим на Беле.

— В первых письмах, — продолжал он,

улыбаясь уголками рта, — мама просила остепениться, вернуться домой, но теперь смирилась. И отец тоже. Только пишут каждый раз, чтобы укутывал теплее, берег ногу. Чудаки..

— А бывало, когда становилось совсем плохо?

— Было раз. На Аю-Колье. Тогда к нам сюда приезжал директор нашего института биологии профессор Алексей Игнатьевич Черепанов и еще один профессор из Новосибирского университета со студентами-практикантами. Первая группа поднялась в гору хорошо, а вторая, там в основном были студенты, задержалась. Ждали часа два. Нет их. Я спустился вниз узнать, в чем дело. Оказалось, лошади не слушались, не шли на врутизну. Я взял одну лошадь, которая посильнее, навьючил на нее самый необходимый груз и повел... А перед этим восхождением, накануне, ходили мы за семь километров по долине реки Кыга за Каменный стан. И тут уж, когда второй раз забрался на Аю-Коль, почувствовал: отнимается нога. Думал, совсем скисну. Ну, а потом ничего, расходился.

— Сколько еще думаешь здесь жить?

Усмехнулся:

— Пока не прогонят.

И серьезно:

— Тема моя рассчитана на три года. Не знаю, как она получится. А то — уйду на кедроградскую сторону.

— Почему?

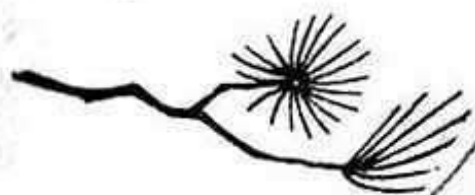
— Там тайга лучше... Лет пять еще поживу здесь. А вообще смотря на сколько меня хватит. Может, и больше. Не скажу.

— Я удивляюсь на тебя, Владич: как ты скачешь по тайге, через бурелом и коряги разные перемахиваешь?

— Скачу да и упаду где-нибудь. Опять маме расстройство...

Давно никто не был мне по-человечески так близок, как Владич в эти часы.

И совсем у него не мужественный вид, у Владича, несмотря на всю его внешнюю суровость — в одежде и лице. Он проникнут весь какой-то необъяснимой внутренней силой. И сам еще, наверное, не знает всех возможностей приложения ее.

Саня

7 ноября Сане исполнилось 25 лет. Коренной сибиряк. Отец его Павел Михайлович организовывал в этих местах колхоз «Алтын-Коль» и был первым его председателем.

— Отец очень верил людям, — говорит Саня. — А разве можно жить на земле без

этой веры? Человек не может. Иначе он — не человек...

Отца похоронили здесь же, в Яйлю, на его родине. У матери остались Саня и три дочки. Саня — за мужчину в доме. Но разве усидеть ему было на месте? После семилетки окончил речное училище в Бар-

науле и уехал на Сахалин. Плавал матросом по Охотскому, Японскому морям, Тихому океану. Со шхуны «Волна» ушел в армию, был воздушным радистом. Матери на Телецкое приходили письма от командования с благодарностью за воспитание сына. Еще там, в армии, Саня записался в среднюю школу и, вернувшись в 1960 году, уже дома закончил десятилет-

ку. За это время сменил несколько профессий: электрик в лесхозе, метеонаблюдатель, теперь — лаборант стационара. Собирается авочно учиться в Иркутском сельскохозяйственном институте на охотоведческом отделении. Сейчас взялся за немецкий язык.

По-моему, так надо всегда, чтобы человек имел не одну профессию и много бродил по свету, видел разных людей, разные края и страны. Это его богатство, неоценимые клады, которые он может передать людям.

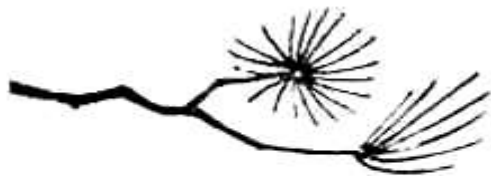
Год, как Саня женился. Гуляли на его свадьбе всей «наукой». Жена Ирина — учительница. Дает ему наставительные уроки, чтобы не провалился на экзаменах в институт. Родилась дочка — Маринка. Хлопотнее стало дома. Но Саня выбирает дни и отправляется в тайгу, как и последний раз, с двумя ружьями наперевес.

У Сани много своеобразно сочетающихся склонностей. Одна из самых больших его страстей — книги. Он берет их всюду — в горы, в тайгу. Сейчас в рюкзаке лежит сборник рассказов Новикова-Прибоя. А до этого возил с собой непомернейший груз — «Трех мушкетеров» со всеми продолжениями. И хотя бы пятнадцать-двадцать минут каждый вечер читает перед сном при тускло мигающей свечке.

Саня. Спокойный. Размеренные, точные движения. Крепыш. Смуглолицый. Тем-

ные, с отливом озера в лунную ночь, глаза. Доверчивый взгляд.

Саня, говорят, хорошо играет на баяне.

Хлора

Так получается, что мы много говорим вдвоем с Ларисой. С ней интересно, весело, и она разговорчивее других. Дает всем очень меткие характеристики, находит в каждом характере какие-то любопытные, неповторимые детали. И почти молчит о себе. Что же сказать о Ларисе, милой нашей «королеве» Хлоре? Ну, прежде всего это отчаянный романтик. Она здесь с 1960 года. Приехала с маленьким чемоданом, а за пазухой был... Крок — с бутылкой молока и соской. Щенка подарил Ларисе в Новосибирске один знакомый парень, которого встретила по пути на Телецкое из Москвы.

— Крок безумно напоминает мне сейчас того парня. — Хлора смеется. — А вы не замечали, что вообще очень часто собаки бывают похожи на своих хозяев?

Лариса за все время только на 10 дней разлучалась с Кроком, всего раз не брала его с собой в горы. И «научники» привыкли

уже к этой их трогательной дружбе.

Хлора — москвичка. Окончила Московский университет.

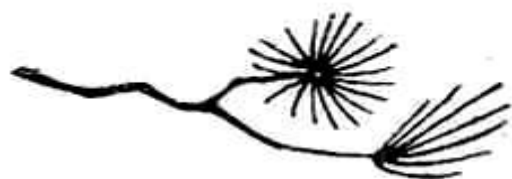
Рассказывает:

— Мама у меня хорошая. Смешная. Приезжаю я в отпуск, она и говорит специально в моем присутствии одному моему другу: «Вот вы, Вадик, вы ведь никуда не уехали, да и зачем вам ехать? В Москве хорошо. А Лора все-таки девочка...» Когда приехала сюда, все меня фифой называли, а потом ничего. Здесь как-то больше живешь среди людей, чем в городе. Судьба и жизнь одного из нас становятся судьбой и жизнью каждого. Не знаю, может, именно поэтому мне так нравится Яйлю и все его жители. И все наши ребята.

Нельзя сказать, что Лариса красивая. Но эффектна. Такие типы лица, как у нее, обычно обращают на себя внимание. Восточный разрез глаз. В очках. Глаза за стеклами все время щурятся. Видно, по привычке. Подбородок несколько выдается вперед. На правой щеке родинка, но к ней быстро привыкаешь, и она не кажется лишней. Тонкие, в струнку, словно нарочно поджатые губы. Голос густой. Курит. В серой куртке, выдавшей виды, и красненьком кашемировом платочке, подхватывающем на затылке копну темно-рыжих волос. Совершенно напрасно морщит лоб. Я ей об этом все время напоминаю. Она: «Больше не буду». И снова морщит.

Лариса производит впечатление толкового человека. И не только по своей специальности. Она хорошо начитана. Из дома ей постоянно идут посылки с книгами. Только что получила Киплинга, Уитмена. Влюблена в поэзию Блока, Багрицкого, Цветаевой... Размечталась:

— Хочется на Чукотке побывать в составе комплексной экспедиции по изучению природных богатств. Поеду кем угодно и на какую угодно ставку. В Яйлю тоже сначала места не было. Работала на должности препаратора. Если откровенно сказать, здесь собрались любители беспокойной жизни...

Бабуся

Бабуся. Так ласково называют Ивана. Добрая, старая бабуся. Иван среди «научников» самый старший. Ему — тридцать. Сразу лезет в уши его О: «Ну, пойдём, хлопцы, пора!»

Иван — вологжанин. Родился в деревне под Вологдой. Деревня в лесу, далеко от тракта.

— С пяти лет из леса не уходил. Мать отведет меня в колхозный детский сад, а

Мы с другом через полчаса и удерем в лес. То грибы собираем, то ягоды. Сперва нас всё обратно приводили, боялись: заблудимся, а потом привыкли — сами отпускать стали. С пеленок у меня бродячая натура обеталась.

Иван сухопарый. В круглых совиных очках с плюсом. Упал в детстве. Получилось сотрясение, стал хуже видеть. Над губой заметен маленький шрам. Когда поднимает глаза, лоб свертывается в гармошку и через мгновение расправляется. Пухлые губы. Черточка удивления на лице, словно каждым взглядом он заново открывает для себя окружающий мир. Руки большие, сильные. В черной штормовке и берете, который он снимает только на ночь, когда ложится спать. Волосы пепельные, прямые.

У Ивана так складывалась дорога. Семилетка. Педучилище. МГУ — биолого-почвенный факультет. Занятия в НСО. Первые самостоятельные научные работы. Со второго курса ни зимой, ни летом домой в каникулы не ездил. Так, разве по пути заскочит на день-другой поведать мать. Зимой — агитпоходы, летом в экспедициях пропадал. Странник! Не успел оглянуться — защита диплома. Графа «специальность» — геоботаник.

После университета Ивану предложили сразу остаться на кафедре в аспирантуре. Отказался. Так просто взял и отказался,

хотя кое-кто из однокурсников счел это, мягко выражаясь, за немислимую его чудаковатость. Уехал из Москвы. В заповеднике на Телецком озере он был заместителем директора по научной части. Немало бродил по тайге, собрал интересный ценный материал и тогда уже поступил в аспирантуру при Барнаульском сельскохозяйственном институте. И опять Иван здесь. Приехал в места знакомые: «к ученым». Готовит сейчас кандидатскую диссертацию. Надо кое-что проверить, уточнить, сделать повторные опыты.

Любимое словечко Ивана — хлюстный. Хлюстное (никуда не годное) настроение, хлюстная каша, хлюстный день. Ворчит, но не надоедливо, мягко. И голос такой убаюкивающий, а когда смеется — со скрипом.

Заметки

на полях

Семь часов вечера. Только что вернулись из тайги. После обеда помогал Ивану — делали с ним подсчеты порослей кедра и пихты. Чертовски красивая тайга. Сентябрь. Красок вокруг уйма — зеленые, ядовито-желтые, оранжевые, иссиня-черные, все яркие, каждая в своем свете или точнее — освещении. Солнце пробивает ветви кедрочей, и причудли-

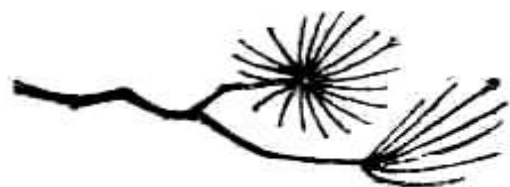
вые тени живописно ложатся на бурелом, мох. Такое ощущение, будто солнечные столбы, протянувшиеся от самого неба, пронизали все пространство вокруг, чередуясь с разрозненными рядами деревьев, разметавшихся по склону Тузеима.

.....

Долго не ложились спать. Ждали Михеева. Он ушел после работы в тайгу часок-другой перед ужином побродить с винтовкой, говорит — «соскучился». Не понимаю, когда это он успел соскучиться, если мы целый день не вылезали из тайги!

Вернулся часов в одиннадцать ночи. Я удивился: как, каким образом в кромешной мгле тайги Николай находит дорогу, разве что на ощупь. Володя сказал, что, если уж Михеев заблудится в

тайге, пусть даже ночью, нам тогда вообще нужно собираться и уходить из леса, спускаться вниз.

День четвертый

Посвящение

в „научники“

Проснулись рано. Всю ночь моросил дождь. И сейчас его нудному постукиванию о стенки палаток не видно конца. Все дали заволокло туманом, и только от подножия самой близкой к Тузеиму горы белое пушистое одеяло начало медленно ползти к вершине. Словно кто-то великий стоит на этой вершине и тянет руками за невидимые нити, сворачивая пелену тумана, как сворачивают переносный полотняный экран после киносеанса. Срывается поездка по тайге к Саратовам на лошадях. Жаль. Хотели посмотреть кедрачи в тех местах и забраться на гольцы. Уже не удастся. Завтра — вниз.

Пришли на вторую пробу. Владислав, Саня, Петро и я. Владич подбирает кедры для моделей, угольником измеряя толщину стволов. Петро делает на них зарубки топором, а Саня включает «дружбу» и начинает пилить. Дождь усилился. Даже переплетенный снизу доверху замшелыми

густыми ветвями вековой кедр не укрывает мой блокнот от капель. Буквы начинают противно расползаться.

Еще минуту — и кедр рухнет. «Дружба» делает последние усилия. Лицо Владича сосредоточено. Его взгляд, как и наши, устремлен на срез, который все глубже уходит к сердцевине дерева. А срезать точно, умело — истинное искусство. Надо, чтобы ствол рухнул в единственную, заранее предназначенную ему сторону.

Саня снимает клифт — так зовет куртки Иван. Жарко. Со лба стекают капли пота и капли дождя. За пилу берется сам Владич. Еще мгновение — и с невыносимым оглушительным треском кедр валится вниз по склону, вперехлест обрубая своими ветвями могучие ветви соседей!

— Попробуй, подставь голову под такую силу! — улыбается довольный Владич и снова берется за пилу, вонзая ее в новую жертву. От усилий у Владича неистово кривятся губы. Зубы плотно сжимаются в цепком оскале. Лицо заливают краской. Это уже как азарт в шальной игре. Не выпускать прыгающую в руках пилу до тех пор, пока не покачнется, сначала робко и неуверенно, двадцатиметровая громадина. И вот она качнулась, еще одна.

— В сторону! — кричит Саня.

Владич резко дергает на себя пилу и отпрыгивает на несколько шагов, высоко поднимая негнущуюся ногу. Бедная, бед-

ная его мама! Если бы она видела сейчас своего Владича!

Владич тяжело дышит, запыхался, но напряжение уже спало. Он уходит дальше — искать новые модели, а Саня и Петро начинают срубать ветви с поваленных кедров, отбирая среди них плодоносящие. Они нужны Владичу, чтобы снова и снова проверить по побегам периодичность плодоношения и вывести в конце концов закономерность, установленную природой.

Владич говорит, что сейчас электрическая «дружба» трясет куда меньше. До этого образца выпускали такие, что у лесорубов глаза на лоб лезли. Потом пилы те сняли с производства и переконструировали.

Третий кедр при падении навалился на соседний и с корнями вырвал его. Вздрыбились под ним, как при взрыве, земля, обнажив нутро дерева. Корни лопнули, обрывки их поднялись кверху и торчат рогатинами в разные стороны. А те из них, что слабже и потоньше, сникли, повиснув сосульками почти до самой земли.

Дождь ни чуточки не меньше. Льет и льет. Мы уже все промокли. Не знаю, как у ребят, а у меня вода хлюпает в сапогах. Саня пилит четвертый кедр. Фу, черт! Мокрота проклятая! Засунул блокнот в ветви и стою, согнувшись над ним в три погибели, и все равно мочит.

Подвернулась нога. Страшно скользко. Только бы не вывих.

• • • • •

Два часа дня. Забрались в избушку, которую построил здесь прошлым летом Володя с двумя другими лесниками. Это, скорее, все же не избушка, а амбар для сбора кедрового ореха. И временное пристанище охотников. Двери нет. Залезали через крышу. На земляном полу развели небольшой костер.

Только что выпал снег. Это было так. Полоса дождя вдруг остановилась у верхушек деревьев, задержалась на мгновение перед тем, как упасть на землю, и прямо на глазах капли стали превращаться в снежинки, мокрые хлопья, крупные и мохнатые. И как я не замечал этого раньше? Первый снег... Но признаться, мы не очень-то ему обрадовались, разве лишь Крок, залившийся веселым лаем.

Снег падает через огромную расщелину в крыше на наши головы и в костер. Дежурные ушли к стоянке готовить обед, остальные обсыхают у огня. Снег начинает заметно окутывать ветви кедров, покрывать их седыми шапками, опускается все медленнее и спокойнее, высыхая на лету и обращаясь в невесомые, слепящие глаза пушинки-искорки. А шапки, которые потяжелее, уже сползают на землю. Эти падаю-

щие с ветвей комья снега называют кукта. Ребята говорят, что к вечеру будет все белым-бело...

.

После обеда не работали. Владич дал отбой на сегодня из-за погоды. Как только поели, Николай с Володей засобирались в тайгу с ружьями.

Я спрашиваю Колю: «Ну что тебя тянет туда? Снег, холод...»

— Да пойду поброжу или под кустом посижу где-нибудь. Может, зверь на меня какой набежит, медведь или кто.

Раскатал охотничьи сапоги, карабин через плечо — и ушел. За ним — Володя.

Смотрю, Саня забеспокоился:

— И мне, что ли, пойти? Пойду, пожалуй, часика на два, пока не замерзну.

Никак не могу я понять до конца этих таежных жителей! Выдался свободный час — и уже мчатся в тайгу, как на свидание к любимой девушке, единственной и неповторимой. И нет предела, конца этому сладкому тайному свиданию. Когда идут они на охоту, расходятся в разные стороны, и каждый остается наедине с тайгой, наедине со своими мыслями. Может быть, именно в эти часы приходит на душу то состояние равновесия и покоя, которое роднит человека с природой и незаметно делает его сильнее, красивее, чище.

.

День завершился проводами. Меня провожали. Завтра утром я ухожу из тайги. Достали флягу со спиртом, личный резерв Владича, и разлили по кружкам. Кто хотел, разбавлял водой. Банку консервов Хлора достала из НЗ.

Погода, к счастью, стихла. Сидели вокруг костра, смотрели в огонь, смеялись, вспоминая мое восхождение на Тузеим. Оказывается, у ребят, когда они ушли вперед, а я отстал, был такой разговор. Иван пожалел меня и предложил освободить от ружья и вообще двигаться помедленнее. А Владич сказал: «Раз вызвался сам, пусть идет, как все. И мы еще посмотрим, насколько его хватит...»

Мне было устроено негласное испытание. И если бы я расхныкался тогда, в день подъема, не знаю, чем бы это кончилось. Может, меня не приняли бы за своего, и мне не было бы так просто с ними.

Владич правильно поступил. Они себя не жалеют, и меня не к чему было жалеть. Я тоже за такой порядок: чтобы скорее научить кого-то плавать, надо бросать неумящего в глубокое место на середину реки и подстраховывать рядом. Пусть выплывает.

Первый тост подняли за посвящение меня в «научники» и сказали, что лаборантом взяли бы к себе с удовольствием. Серьезно!

Володя

Когда все улеглись, вдоволь нашумевшись, перепев несметное количество песен, мы еще долго сидели у костра с Володей. Он и Петро ни в какую не соглашались залезать на ночь в палатки, так и лежат у костра, постелив под себя войлочные холсты и укрывшись фуфайками. Спят чутко и все время до утра поддерживают огонь.

Володя рассказывал о себе. Родился, вырос здесь, в тайге. Второй сын и второй из семнадцати детей Смирновых.

— Я без тайги никак не могу, меня без нее нет. На охоту с отцом стал ходить лет с десяти. А когда двенадцать было, появился на моем счету первый медведь. Шли однажды вдвоем с матерью по тайге. Вдруг на тропу прямо передо мной вывалился медведь. Я, не целясь, выстрелил. Открыл глаза, смотрю: медведь, огромный такой, катится по склону горы вниз. Мать испугалась, скорее оттащила меня от тропы в другую сторону. Ну, а теперь и не перечесть всех встреч с медведями. Бьют их сильно наши охотники. Кто в петлю сначала

ла ловит. Но я считаю, в петлю — не интересно. Что ж в него привязанного-то стрелять... Я лично больше люблю глухариную охоту или на рябчика. А убивать всякого зверя приходилось. И рысь, и выдру, и волков, и марала. Вот еще белковать — страсть. Это уж, как правило, каждую осень, в конце октября. Около тысячи белок сдал я да соболей штук тридцать...

Первый раз Володя женился на Дальнем Востоке, сразу после службы в армии. Вскоре выяснилось, что у жены не может быть детей. А тут умерла одна знакомая женщина, у которой остались четверо малмала. Самую маленькую, полуторагодовалую Валу, Володя принес домой. Но семейная жизнь не сложилась. Разошлись. Валу не хотел отдавать, думал увезти ее к своей матери, на Телецкое — одним больше, одним меньше, там уж внуки пошли. Но жена запротивилась. Ей нужен был ребенок, а Валя подрастала, умная девочка, привыкла к ней... Володя уехал домой.

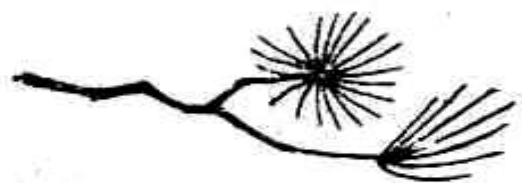
— А как сейчас жизнь?

— У меня хорошая жена, двое ребятшек: сын и дочка.

Володя — отчаянный балагур. Знает миллион охотничьих и всевозможных других историй. Отличный рассказчик. Что ни фраза — то с прибаутками. Заразительно смеется и сам тонко понимает шутку. Чувства юмора ему не занимать. Потешно передает колорит алтайского языка.

— Ты, Володя, — бочка без дна! — говорит Хлора.

Высокий, худой и жилистый. Начал отпускать бороду, но пока она у него очень смешная, козлиная. Короткий серый пушок свивается в сосульки и торчит в разные стороны. Володю поддразнивают: текасал (это по-алтайски — козлиная борода). Выгнутые дугой широкие брови; длинные, как у куклы-мигалки, ресницы. Глаза — маленькие, с хитринкой. Крючковатый нос. Хлястик у кепки оторвался с одной стороны и торчит, как гусиное перо. Володя его не поправляет. Вероятно, нравится. Третий день дразнит Крока, все показывает ему фиги и строит страшные рожи, а тот на него злобно лает с вытаращенными глазами. Хлора нападает на Володю, но он только смеется и продолжает в прежнем духе.

Заметки

на полях

Владич о Коле Михееве:

Редкий человек. Душа чистая. Необыкновенно. Сам богатырь. Нет у Михеева образования, и это его очень

гнетет — иногда запивает. Был лесником, сейчас препаратором у нас работает.

Хлора о Михееве:

Я сидела в охотничьей избушке зимой, в декабре, одна, и мечтала о михеевской силе. Он построил и ту избушку, и я знаю, что ему это ничего не стоило. Силы он необычайной. Кулаком лошадь сбивает. Сама видела, как он повалил дикую, заблудшую лошадь, встретившуюся нам однажды в тайге.

Великолепный наездник. Когда лошадей объезжают, надо, чтобы человек показал свою силу... Мы всегда говорим, собираясь в экспедицию: зачем нам лошади, когда есть Михеев. Любой тюк втащит он на Тузеим.

.

Сегодня Николай пел в тайге, один. Подбирал ветки кедра и пел. Потом я его спросил:

— Что ты пел?

— А так, что на душу придет, слов особо не разбирая...

Лариса говорит, что в песни Михеев вкладывает всю душу. Его пение — на любителя.

Володя о Владиче:

Настойчивый парень. Сила воли большая. Человек из него выйдет. Тайгу хорошо запоминает. Где пройдет, не спутает следующий раз.

Ловко у него все получается, за что бы ни взялся.

Иван о Владиче:

Я-то уж знаю, как Владич устает. Нога, бывает, сильно разбалливается. Даже в лице он меняется. Но никому не признается. Залезет в палатку и растирает колено ладонью. И никак не уговорю, чтобы он роздых себе дал. Почти все время в дороге, из тайги не вылезает. Хотел его с собой в сентябре в отпуск утащить, не соглашается. Говорит, пока погода есть, побольше походить надо в тайгу, в горы.

После Тузеима на Боскон собирается... Жалеет, что не может зимой подниматься в горы на лыжах.

.

В охотничьей избушке на Аю-Коле ребята прибили к стене лозунг. Крупными печатными буквами Иван написал:

**ЛУЧШЕ ПЕРЕЕСТЬ,
ЧЕМ НЕДОСПАТЬ!**

День пятый

**Прощай,
Тузем**

Спускаемся с Петро вниз. Петро — мой провожатый. Под ногами хлюстное болотное посапывание. Тропа расползлась. Невообразимо скользко. На корень или обломанный сучок не становись — нога моментально поедет в сторону. И все-таки спускаться, пусть даже в такую противную погоду, куда лучше, чем карабкаться в гору.

Мы на полпути. Сейчас передохнем — и дальше. Там, на вершине, я оставил частицу самого себя. Когда прощались, каждый до хруста пожимал мою руку, мы хлопали друг друга по плечам и говорили что-то совсем незначительное. Мне было грустно, и я сказал, что до слез не хочется уходить, расставаться с ними. Иван улубнулся:

— А если бы хотелось, мы сразу бы тебя раскусили и давно спустили под гору. Бывали у нас такие случаи.

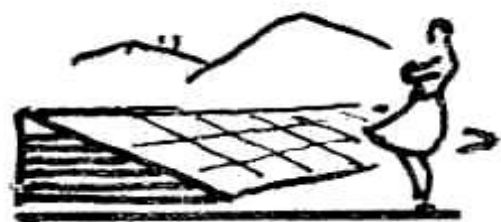
Сегодня с утра наши палатки снова засыпал снег. Ребята расстраиваются, что не успеют выполнить всего намеченного.

Вместе с нами с горы спускается Касатка с жеребенком. Они перегибаются, пре-

одолевая бурелом, стараясь не поскользнуться на крутизне. Со стороны наш спуск показался бы кому-нибудь комическим кордебалетом.

Петро показывает мне медвежьи следы: то рассыпанные по тропе недоеденные ягоды рябины, то надломленную обгрызанную черемуху, то ствол кедра, на котором медведь оставил клочья шерсти, то сооруженный охотниками шалаш, где зверь устроил себе удобное ложе. Петро называет горы, виднеющиеся впереди сквозь пестрое кружево ветвей: Боскон, Беркут...

Что-то делают сейчас ребята на Тузееме? Как быстро я привык к ним. И чувствую: мне ужасно будет не хватать Владича, Хлоры, Володи, Николая, Сани, Бабуся — самоотверженных искателей кедровых истин.

Лисьмо

четырнадцатое

...Ты, наверное, думаешь: куда это я запропастился? И почтальонша, должно быть, привыкла уже бросать конверты в твой почтовый ящик каждый день. Не поверишь, я пять дней был в экспедиции, познакомился с отлич-

ными ребятами, яркими, колоритными фигурами, хоть с каждого повесть пиши. Тут тебе и завязка и развязка, и своеобразные характеры и неповторимые судьбы, свои истории. Отдаю их на твой суд. Пакет получится солидный по весу — мои записки за последние дни.

Мне просто везет на людей, у которых жемчужины души. Вот и сегодня встретился, уже второй раз за последнюю неделю, с чудесной девчонкой — Лидой Валуевой. Она живет на Беле, в этом крохотном алтайском поселке, где Рослик думает развернуть сады и обширные огороды. Уже заложены опытные участки под овощи. Высадили саженцы яблонь. И хозяйка здесь — Лида. Я почему-то был уверен, что она местная. Ну не ехать же сюда, за тридевять земель, откуда-нибудь из центра России, огурцы и помидоры выращивать!

Первый раз меня привозил на Белю Рослик, когда показывал озеро. Ехали сюда, и он хвастался: «Такую дивчину покажу. Ахнете! Вы видели когда-нибудь подлинных романтиков? Нет?»

Я еще не был знаком ни с кем из «научников» и рассказал Рослику случай, который произошел со мной на целине. Тогда я узнал одного парня, заставившего меня, пожалуй, впервые так открыто и прямо задуматься: что же это такое — романтика?

Звали его Серега Горбачев. Он вез меня из только что родившегося совхоза, которому дали имя Юрия Гагарина, вез в районный центр Державинку, километров за 200—250.

Ехали, поминутно спотыкаясь на ухабах, — и вдруг машина резко забуксовала. Серега сбился с пути. Через минуту было ясно: засели в солончаковом болоте. Лопаты не оказалось, да и лопатой вряд ли что можно было сделать. Чем больше раскачивал Серега машину, пытаюсь пробить колею и вырваться из трясины, тем глубже увязала она в ней, густой и клейкой. Прошел час. Два, три часа...

Стали рвать руками ковыль и бросать под колеса. Бесполезно. Я хотел идти куда-то, чтобы разыскать трактор, но Серега в открытую засмеялся: «Куда? За 50 километров живой души не встретишь». Бросил окурок и опять полез в кабину. Но колеса проворачивались снова и снова, на каждомросло по тонне грязи, не меньше.

Я все-таки пошел в степь, надеялся: может, выедет на целину какой трактор. Обошел километров пять и вернулся обратно. А Серега твердил свое: «Выедем! Когда — не знаю, но выедем».

Пятый час пытался он наездить колею. Кончался бензин. Клокотала от жары вода в радиаторе. И вот смотрю, снимает Серега с ладони бинт, рука у него сильно поре-

зана, накладывает его на отверстие радиатора и процеживает туда из ведерка грязную болотную жижу...

Невдалеке оказался крохотный сухой пригорок. Это постарался сурок, проделывая себе нору. Раскроили пригорок какой-то железякой, горстями накладывали песок в ведерко и носили под машину. Сколько этих ведерок перетаскали мы?! И когда наконец машина медленно, словно с болью отрываясь от колеи, стала вылезать на дорогу, мне это казалось чудом.

Затемно приехали в Державинку. Я пошел в гостиницу, а Серега отправился получать зерно. Через час он заехал ко мне проститься — уже с груженной машиной.

Впереди у Сереги была ночь в пути, целая ночь. Его ждали — он непременно должен был вернуться с зерном. Ведь утром в совхозе начинался сев, первый в истории совхоза имени Юрия Гагарина и первый в жизни Сереги на новых целинных землях.

Что ты скажешь: герой он или нет? Романтика это или просто будничное событие?

А Лида? Когда осенью 1961 года романтики-мечтатели со всего Союза потянулись в Кедроград, была среди них и Лида Валуева. Она приехала из Куйбышева с двумя друзьями строить город в тайге.

Лида окончила плодоовощной техникум

и работала в подсобном хозяйстве на заводе. Но ненадолго хватило ее для тихой, спокойной жизни. Хотелось что-то решать, значить. По комсомольской путевке ушла на ударную стройку завода СК, одновременно поступила на курсы аппаратчиков. Пустили завод, а у Лиды уже специальность. Говорит:

— Там на заводе моя гидроустановка осталась. Мастер не хотел отпускать. На заявлении написал: «Возражаю». А я прочитала в «Комсомольской правде» о Кедрограде и решила ехать... В Кедрограде пришла в контору устраиваться, встретила Рослика. Он как раз в Яйлю переезжал, директором лесхоза. Разговорились. Я сказала, что садовод по специальности. Тогда он о Рачкине, Смирнове стал рассказывать и как мечтает сады вдоль озера развести. Такую картину расписал, что я не выдержала. Согласилась с ним вместе ехать. Уговорил меня и привез сюда. Сначала в Яйлю, к Рачкину. Стала я его потихоньку обо всем выпрашивать. К Смирнову съездила в конец озера. Потом перевели меня на Белю, зимой... Красиво, душа на небесах была от восторга.

А Рослик говорил мне, как трудно приходилось Лиде на первых порах. Сама киркой долбила мерзлую землю под парники, показывая пример мужчинам. Были даны ей в помощники лесники — алтайцы, живущие на Беле. Но они долго отказывались

помогать, ухмылялись скептически: мол, все равно ничего не выйдет, зря только труды пропадут. В конце концов парники поставили. Лида выбрала для них место на солнцепеке. Ящички сколотила. А землей, в которую сеяла потом семена, наполнила ведра и парила в печке. По совету Рачкина, чтобы очистить ее от семян сорняков, личинок жуков-вредителей. Десять ведер. Целую неделю парила. Так ни одна травинка-соринка не взошла! 16 тысяч штук рассады помидоров, 600 штук рассады капусты высадила Лида в огород на удивление всем обитателям Бели, которые уже перестали присматриваться недоверчиво к новой жительнице поселка и беспрекословно выполняли любое ее распоряжение — лесники и их жены. Урожай получился великолепный, и вот сейчас его снимают. Такая радость для всех. Никогда здесь не видели столько овощей.

Но сегодня у Лиды большое горе, она проплакала с утра. Председатель здешнего колхоза поспешил выполнить свое распоряжение, не дожидаясь, что решат в районе насчет угодий на Беле. Сюда пригнали тысячу коз, и они уже успели стравить часть огорода, обглодали кору на яблоньках... Гибнет то, во что вложено столько силы, что сердцем выстрадала Лида. Вместе выезжаем в Яйлю. Связь с конторой лесхоза по радиостанции будет только завтра днем. А Лида должна как можно

быстрее рассказать о случившемся Рослику. Когда Лида в прошлый раз провожала меня с Росликом до моторки, она озабоченно и тревожно говорила ему:

— Константин Иванович! Неужели коз сюда пригонят? Возьмите меня с собой, я всем докажу, что на Беле должен быть питомник!

Вот если бы в каждом из нас было столько пылкости, столько преданности своему делу! Я не боюсь употребить здесь, в письме, эти высокие слова. Преданности искренней и честной.

Как выглядит Лида? Она не привлекательна внешне. Особенно с первого взгляда. Неуклюжа. Довольно крупная. Лицо круглое, обтекаемое со всех сторон. Очки. Зрение у Лиды плохое — и стекла в оправе толстые. Глаза у нее словно две темные пуговицы. Трудно понять их выражение — грустные они или веселые? Губы бантиком. Широкий лоб. Подстрижена коротко, и волосы гладко зачесаны назад. В черных башмаках, напоминающих осенние мужские ботинки. Кофточка и юбка — для повседневной работы.

И все-таки — красивый стоял передо мной человек.

Письмо

пятнадцатое

...Не удивляйся, что большинство строчек в предыдущем письме, я его посылаю вместе с этим, расплылось от воды. На мне не осталось сухой ниточки. Промокло всё: блокноты, пленки, не говоря уже об одежде. Сейчас я пишу дома у Рослика, и уже в безопасности. А был на волосок от смерти. Ну ладно, обо всем по порядку.

Мы спустились с Тузеима, и Петро повез меня на лодке от Челюша на Белю, где мы договорились встретиться с лесником Шутковым. Уже он должен был отправить меня вниз озера — в Яйлю. Примерно на середине пути до Бели нас встретил посланец Шуткова на моторке. Передал от него записку — «о козах» — и сказал, что сам Шутков уехал в колхоз выяснять отношения с председателем, а «человека из экспедиции велел привезти на Белю». Мы простились с Петро Кастаховым, молчаливым, добросердечным алтайцем, и я пересел в посланную за мной лодку.

Из Бели в Яйлю решено было выехать до рассвета. И Лида рвалась к Рослику. Вез-

ти нас согласился Юра Кузьмин, муж одной из дочек Смирновых.

— Он на «ты» с озером, с Юрой — не страшно, — сказала Лида, обрадовавшись, что едем в его лодке.

Только выехали — началась верховка, сильный ветер с верхней части озера. Он обычно начинает дуть осенью, в это время, и отменно дает себя знать. Поднялись невообразимые волны, и мы то перелетали с

одного гребня на другой, то нас захлестывало водой.

Лида размышляла:

— Интересно, если перевернет, доплывем мы до берега? Наверное, нет. Вода ледяная, скует...

Юра торопился. Нужно было успеть в Ййлю до восхода Солнца, потому что на восходе, так уж установлено каким-то неписанным законом природы, верховка достигает наибольшей силы. И мы... не успели. С первым лучом Солнца лодку стало швырять из стороны в сторону. Тяжелые потоки ледяной воды перекатывались через голову и там, за спиной, снова сливались в озеро, пытаясь согнуть и придавить нас вместе с лодкой. Казалось, что вот сейчас еще один вал — мы врежемся в него носом и не выйдем из-под волны. Стало жутко... При одном из очередных толчков сиденье под Лидой застонало и проломилось. В обычное время поднялся бы, конечно, хохот. Но ни я, ни Юра даже не улыбнулись. Лида села рядышком со мной и вдруг запела тихонько, еле слышно: «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь...». Мурашки побежали у меня по коже.

Почему-то передо мной промелькнул рассказ Лиды, как она ходит по тайге одна, собирает букеты таежных оранжевых огоньков, напоминающих ей розы — любимые ее цветы, и поет песни, бегущие в гулкую даль...

На Лиде был плащ, а мы с Юрой в легких куртках. Но бесполезно было укрываться от волн. Стихия злобствовала и издевалась над нами в свое удовольствие. Нас могло перевернуть в мгновение ока, в любую секунду, но лодка все скакала и скакала по встречным волнам.

А Юра казался до невозможности спокойным, и только когда вдруг начинал сбавлять обороты, глохнуть мотор, он весь напрягался, сжимаясь, как пружина, и словно перекладывал в мотор биение своего сердца. И тогда мотор снова набирал силу, и лодка снова рвалась вперед. Мы не могли приблизиться к берегам, потому что нигде не было возможного подхода. Нас неминуемо разбило бы о скалы. А впереди был виден Яйлю и казался таким близким! Оставалось только переплыть к нему от противоположного берега, ближе к которому шла наша лодка. Зубы отбивали сумасшедшую чечетку, и я ничего не мог поделать с собою, как ни крепился. Я даже озера не видел и не слышал под конец. Только еще теснее прижались с Лидой друг к другу и замерли, уйдя каждый в себя.

Откуда-то издалека доносился голос Юры. А говорил он на высоком регистре, пытаюсь перекричать взбесившееся озеро.

— Это что! Если сейчас бояться, то зимой на озере и делать нечего. Вот когда мороз, едешь так едешь. У нас тут оно не замерзает выше Яйлю. К берегу подгонишь

моторку и встать с места не можешь. Все на тебе обледенеет, как в панцире сидишь закованный. Это я понимаю...

Я на полусогнутых вылез из лодки, одежда весила никак не меньше сотни килограммов. На Лиде не было лица. Потом Юра сказал, что нам повезло: шторм не меньше шести баллов и если бы отказал мотор... В общем, даже он ни за что бы тогда не ручался.

.

Заявились домой к Рослику мокрые и испуганные. Было еще начало девятого, то есть плыли мы часа три. Не так уж и много. Но какие это были часы! Нам дали переодеться. Обсыхали, а Лида со слезами рассказывала Рослику о «нашествии коз». Лида — пожалуй, самая рьяная сторонница идеи Рослика о садах.

Сейчас у него уже появились приверженцы. Хотя сначала все, исключая старика Рачкина, недоверчиво молчали. Новый директор, новые идеи, надо присмотреться. Но кое-кто не верит до сих пор, не верит и собственная жена Рослика. Хотя по-человечески ее тоже можно понять. На ней все хозяйство, дети, работа. И просто-напросто надоела бродячая жизнь, вот и наговаривает, как мне кажется, с обиды и минутного зла то, чего не сказала бы, подумав. Сегодня Екатерина Степановна разошлась не на шутку.

Лида спросила Константина Ивановича, когда же наконец к ним на Белю проведут свет? Рослик успокоил ее:

— Скоро, Лида, теперь скоро. Вот сейчас устанавливаем новый генератор в Яйлю, будем тянуть провода к вам.

— Да, ждите у моря погоды, будет у вас свет, всё вам будет, — перебила Екатерина Степановна. — У меня эти заверения уже вот где сидят. Комом, не проглотишь. И сады, и всё на свете.

— Катя, — попытался урезонить жену Рослик, — но ты же сама бухгалтер, считаешь на счетах и видишь, что уже нынче мы дали прибыль, и она обязательно пойдет в гору. Как ты можешь так говорить!

Но Екатерину Степановну уже невозможно было остановить:

— Сорвались с места, завез в дыру. Мечтатель! Это Шипунов тебя заразил, а где он сейчас, где? (Сергей Шипунов — один из основателей Кедрогграда.) Прислал тебе письмо без обратного адреса.

— Послушай! — резко повысил голос Константин Иванович. — Но он же писал из экспедиции, с временного места. Ты что?!

Екатерина Степановна ушла в другую комнату и высунула голову из-за двери:

— А вот что! Провалишься ты со своим вторым Кедрогградом! Куда тогда пойдешь?

— Трактористом пойду, дура! — не выдержав, закричал Рослик.

— Посмотрим, кто кого потом оскорблять будет, — бросила Екатерина Степановна последний козырь и всхлипнула.

Тут вступилась за Константина Ивановича Лида:

— Ну что вы, Екатерина Степановна! Все это будет, не сразу, правда, но будет. И фрукты, и овощи...

— Точно, Лида! — поддержал Рослик. — Коммунизм строим. Так что же мы, и при коммунизме яблоки из Китая в Сибирь завозить будем?! Представляешь, приедут в наши края иностранцы, глазам не поверят: «Сады в Сибири!» И потом, в Горно-Алтайской области нередко встречается авитаминоз у детей. Как же нам не выращивать фрукты? Но кое-кто еще мешает, ой как мешает!

И ко мне:

— Вот жену убедить не могу, так что с других спрашивать?

— Зато у вас есть Лида, Рачкин, другие энтузиасты, — сказал я. — А вы, Екатерина Степановна, зря нападаете на Константина Ивановича. В добрые дела надо верить. Иначе нельзя. А мечтателем и Ленин был.

— Сравнили!!!

— А что, — обрадовался Рослик такому неожиданному повороту разговора. — И Ленин мечтатель был, ему тоже не все сна-

чала верили. А мы заставим поверить и тебя и всех тебе подобных скептиков. У нас же полный экономический расчет! И план перспективный.

Рослик дал мне один экземпляр этих расчетов — для бóльшей убедительности.

В одиннадцать часов на росликовской «Дории», мотоботе морского типа, уезжаю из Яйлю до Артыбаша. Обратный путь. Хорошо бы сегодня попасть в Турочак, добраться до Казанцевых и у них оклематься чуточку.

Верховка пошла на убыль. Можно ехать. Вот и окончилась моя Телецко-Тузеемская эпопея. Предельно зримо стоят перед глазами лица всех тузеемцев, славные физиономии — то задумчивые, то умирающие в хохоте. Так заразительно и откровенно, по-моему, могут смеяться только люди, у которых нет на душе тяжелого груза, когда ничто не гнетет — всё бесконечно ясно, что делать сегодня, завтра, через месяц, как жить...

Черняк Юрий. Солнце улыбается добрым: лирическая повесть в письмах. /
Ярославль: Верхнее-Волжское издательство, 1964. - 203 с.

25 коп.

Верхнее-Волжское

книжное

издательство

Ярославль

1964